

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83

УДК: 323.23; 329.7

«МОЯ РАБОТА – ПОСТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ И СЛОМАТЬ ЗАВЕДЕННЫЙ ПОРЯДОК»

Интервью с профессиональным мятежником

Солом Алинским¹

Часть 1

Аннотация

Американский социотехник Сол Алинский (1909–1972) получил известность в США и за их пределами как идеолог, практик, тренер и создатель профессии по соорганизации людей для совместных действий. У него тысячи учеников и последователей, включая бывшего американского президента Барака Обаму и членов его администрации. Технология соорганизации Алинского применяется сейчас политическими лидерами практически всех идеологических ориентаций. Книги Алинского стали настольными для людей этой новой профессии, однако они до сих пор неизвестны в России. Публикуемый материал – перевод интервью с Алинским, взятым журналом Playboy в 1972 г., после того как его книга «Правила для радикалов» стала бестселлером номер один. Корреспондент Эрик Норден расспрашивает Алинского об истории социальных экспериментов, основных правилах и техниках соорганизации людей, о профессиональных планах Алинского на ближайшее будущее.

Ключевые слова: Алинский, США, соорганизация людей, социальные движения, самоуправление, социальный организатор, сообщество.

Библиографическое описание для цитирования:

Алинский С. «Моя работа – поставить под сомнение и сломать заведенный порядок»: интервью с профессиональным мятежником Солом Алинским. Ч. 1 // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 52–83. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83.

Предисловие переводчика

Американский социотехник² Сол Алинский (1909–1972) получил известность в США и за их пределами как идеолог, практик и создатель профессии по соорганизации людей для совместных действий. «Соорганиза-

¹ Перевод Ирины Жежко-Браун.

² Социотехника (социология + техника) – наука о способах и технике сознательного воздействия на социальную действительность: правовую систему, воспитание, организацию власти и другие ее области.

ция», пожалуй, самое близкое по смыслу к английскому словосочетанию *social organizing* слово в русском языке, которым мы и будем дальше пользоваться.

Существует мнение, что методы организации людей, изобретенные Алинским, используются в США только левыми радикалами, однако оно далеко от истины. Технология организации Алинского применяется сейчас общественными лидерами практически всех политических и идеологических ориентаций. В последние десять лет издано более дюжины книг, которые рассказывают, как тактики Алинского были приспособлены для того или иного социального движения. Достаточно сказать, что два идеологически противоположных американских движения, консервативное движение среднего класса Tea Party и леворадикальное движение Trump Resistance, построенные на сходной технологии организации – модели Алинского, адаптированной для нового времени. Можно обоснованно утверждать, что большинство современных социальных движений в США и других странах организовано с применением тактик и правил Алинского.

Движения, использующие наследие Алинского, не слепо копируют его методы работы, а скорее критически перерабатывают в соответствии с собственными этическими нормами и целями, а также особенностями контингента, с которым они работают. Они также соединяют их с новыми достижениями в области сетевых и информационных технологий. Новые движения отказываются от некоторых сомнительных в моральном отношении приемов Алинского, однако используют все ценное, что есть в его опыте. Более подробно об истории социальных экспериментов Алинского можно прочесть в моей книге «Современная американская революция: социальные технологии и динамика» [1].

Алинский издал две книги о своем опыте организации людей [2, 3]. Обе книги стали настольными для людей этой новой профессии. Кажется бы, кому могут быть интересны и полезны сегодня идеи и опыт более чем полувековой давности? Но нет, у Алинского тысячи последователей в США и по всему миру, включая бывшего американского президента Барака Обаму и членов его администрации.

Самой известная книга Алинского, «Правила для радикала», стала бестселлером номер один в год ее издания – в 1971 г. Лучшему ее пониманию поможет знакомство с интервью, взятым у Алинского журналом Playboy через полгода после выхода книги. Пусть читателя не вводит в заблуждение название журнала – интервью получилось очень глубоким и более откровенным, чем сама книга. На волне большого успеха Алинский делает признания, которых нет в его двух книгах. Конечно, Алинский, будучи социальным организатором, формирует в интервью то мнение о себе, кото-

рое ему было выгодно на тот момент. Кроме того, он рассказывает о своей деятельности конца 1930-х гг., т. е. почти сорок лет спустя с начала своей карьеры, и многие его взгляды и цели к 1972 г. существенно изменились.

Это интервью интересно также тем, что разговор идет о последнем этапе деятельности Алинского. Большую часть своей карьеры он посвятил работе с людьми из низших классов и деклассированных элементов, и только в конце 1960-х обратил свое внимание на средний класс Америки. Хотя сам Алинский к этому времени уже давно принадлежал к высшей страте среднего класса, он практически не имел опыта работы с людьми своего класса. Интервью дает возможность узнать, вокруг каких лозунгов и целей он собирался это делать, какие технологии и тактики собирался применять.

Знаменитые тринадцать правил и тактик из его книги «Правила для радикала» проиллюстрированы в этом тексте живыми примерами. Многие тактики Алинского, следуя Бахтину, можно отнести к смеховой или карнавальной культуре, т. е. культуре «низа», материально-телесному началу жизни. Эти радикальные «карнавальные» тактики социального действия мало соответствовали моральным взглядам и эстетическим вкусам среднего класса. Алинский понимал это и был на пороге изобретения новых тактик и принципов. Ирония нового поворота в его деятельности заключается в том, что все предыдущие годы он сражался со средним классом как частью класса *имущих* и предлагал решать большинство проблем бедных за счет налогов, собираемых со среднего и высшего классов.

Есть и еще одна причина, по которой интервью Алинского может представлять интерес для русского читателя. Угрозе «экспорта революций» посвящены десятки, если не сотни работ в России, и все же угол анализа технологий революций и общественных движений в них остается крайне узким. Многие пишущие на тему экспорта революций гордо называют себя «антиреволюционерами», «консерваторами» и даже «реакционерами»; они озабочены тем, как *предотвратить* возникновение каких-либо массовых стихийных движений, а не тем, как их *организовать*. Пусть читатель простит мне такое сравнение, но это все равно, что пытаться узнать о секретах секса из книг о способах предохранения от беременности. Многочисленные «антиреволюционные» книги не помогают узнать, как стимулировать, по выражению Л. Бляхера, «самодетельный образ жизни», как запускать процессы самоорганизации общественных движений, приносящих пользу обществу, например, движение за возрождение умирающих деревень или организацию самоуправления на экономически депрессивных территориях.

Книги Алинского не опубликованы в России, хотя влияние его наследия на общественное движение во всем мире намного больше, чем, напри-

мер, другого социотехника, Джина Шарпа, уже известного русскому читателю. В русской части Интернета можно найти лишь отдельные фрагменты книг Сола Алинского. Это – первая его публикация на русском языке. Мы перевели интервью с небольшими сокращениями, сохранив все, что относится к искусству соорганизации. Весь текст разбит на две части. Первая включает предисловие журнала Playboy и рассказ Алинского о его подходе к соорганизации среднего класса и о том, как он стал профессиональным социальным технологом. Вторая часть будет опубликована в декабрьском номере журнала «Идеи и идеалы» (№ 4 за 2018 г).

Ирина Желско-Браун.

Предисловие журнала Playboy

Последние 35 лет американский истеблишмент находится под непрерывной атакой со стороны очкастого, консервативно одетого организатора, который выглядит как бухгалтер, а выражается как портовый грузчик. Как писала Нью-Йорк Таймс, «Алинского ненавидят и боятся по всей Америке от одного побережья до другого» как «основную движущую силу революции беднейших слоев населения – более того, он начинает существовать как движение сам по себе». Журнал Time заметил, что «трудно оспорить тот факт, что американская демократия изменилась под влиянием идей Алинского».

Алинский создал себе много врагов в течение почти четырех десятилетий его деятельности по соорганизации бедных для участия в радикальных общественных движениях, однако заслужил и уважение со стороны многих известных людей – совсем неплохая репутация для уроженца трущоб южной окраины Чикаго. После окончания Чикагского университета в середине 1930-х гг. Алинский начал подрабатывать в качестве организатора в Конгрессе производственных организаций³ – довольно радикальной Федерации профсоюзов. В 1939 г. он отошел от активного участия в рабочем движении и принял на себя роль организатора соседских общин (community organizer), начав работу на Задворках, на окраине мясоперерабатывающих предприятий в чикагских трущобах. Его усилия превратить молчаливое недовольство разрозненных жителей этого района в организованный протест нашли положительный отклик со стороны губернатора штата Иллинойс Адлая Е. Стивенсона, который сказал, что цели Алинского «очень точно отражают наши идеалы братских чувств, терпимости, благотворительности и достоинства каждого отдельного индивида». В 1940 г. Алинский добился щедрого пожертвования от либерального миллионера Маршала Филда Третьего, который создал для него фонд «Индустриаль-

³ The Congress of Industrial Organizations (CIO) – Федерация производственных профсоюзов (1935–1955).

ные районы» (Industrial Areas Foundation (IAF)), который стал базой последующих социальных экспериментов Алинского. В последующем при финансовой поддержке Филда Алинский повторил свой успех в ряде трущобных районов Америки – от Канзаса и Детройта до пригородов южной Калифорнии. В 1950-х он перенес свое внимание на черные гетто и опять начал с Чикаго. Его действия очень быстро вызвали недовольство мэра Ричарда Дж. Дали⁴, который хотя и возражал против методов Алинского, но признавал, что «Алинский любит Чикаго в той же мере, что и я».

После успехов в штате Нью-Йорк и в дюжине других мест он приехал в Окленд (Калифорния) по приглашению пресвитерианских церквей для организации борьбы в черных гетто. Узнав о его планах, перепуганный совет города немедленно принял резолюцию, запрещающую его въезд в город, с дополнительным пунктом, в котором предлагалось послать Алинскому веревку длиной в 15 метров, чтобы он на ней повесился. Алинский ответил тем, что послал совету ящик с детскими подгузниками. Когда полиция Окленда объявила, что арестует его, если он пересечет границу города, он перешел мост, ведущий в город, в сопровождении группы репортеров и телевизионных операторов, вооруженный только свидетельством о рождении и американским паспортом. «Приветствующий комитет Оклендской полиции выглядел довольно глупо», – с удовольствием вспоминает Алинский. Оклендские власти были вынуждены отступить, и Алинский основал местную организацию черного населения по борьбе с истеблишментом.

К концу шестидесятых Алинский передал работу на местах своим ученикам, а сам сконцентрировался на подготовке социальных организаторов в институте под эгидой IAF, который он назвал «школой профессиональных радикалов». Поддерживаемая грантом сети автомобильного сервиса Midas Muffler школа ставила целью подготовку 25-ти организаторов в год для работы в «белых» и «черных» районах по всей Америке. «Только представьте, сколько мы успели натворить с помощью четырех или пяти профессиональных организаторов по всей стране, – сказал Алинский репортерам на открытии учебного года. – С новыми силами все задвигается гораздо быстрее». Его последующий успех как радикального организатора действительно вырос, если мерять его уровнем оппозиции и раздражения, которые он вызывал у охранителей существующих порядков. Один консервативный религиозный журнал написал, что «невозможно одновременно следовать Иисусу Христу и Солу Алинскому». Деловой журнал Barron's пошел еще дальше и обвинил Алинского в связях с коммунистами.

Пожалуй, только один продукт его деятельности вызвал почти единодушную положительную оценку – его книга «Правила для радикалов» [3].

⁴ Richard J. Dalley – мэр города Чикаго в 1955–1976 гг.

Она получила восторженные рецензии практически во всех газетах и журналах, где ей уделили внимание. Его реакция на довольно непривычные для него похвалы была скептической: «Не беспокойтесь, ребята, мы переживем шторм похвал, и нас будут ненавидеть так же, как прежде». Утешением для Алинского было то, что, по крайней мере, в его собственном городе реакция на книгу была враждебной. The Chicago Tribune высказалась так: «Вероятно, расчесывание ран недовольства доставляет ему удовольствие, однако мы не можем рассматривать это как вклад в социальное совершенствование. В стране достаточно нерешенных проблем и без создания новых только ради того, чтобы Алинский развлекал себя». На это Алинский ответил так: «Истеблишмент может примириться с тем, чтобы его разделили под орех, но не с тем, чтобы над ним смеялись. Их раздражает во мне то, что, в отличие от унылых радикалов, я получаю удовольствие от того, что делаю».

Чтобы узнать больше о том, почему Алинский делает то, что он делает, и понять сложности, с которыми он сталкивается как публичный человек, журнал «Плэйбой» поручил Эрику Нордену провести с ним интервью. Как оказалось, задача была непростой: «Проблема была в том, что расписание Алинского было таким напряженным, что могло бы утомить даже профессионального атлета, однако он, похоже, только наслаждался им⁵. Я сопровождал его с восточного побережья США на западное, а затем в Канаду, урывками записывая наши беседы в самолетах, автомобилях и аэропортах, в промежутках между стратегическими сессиями с местными организаторами, которые больше напоминали военные бриффинги, чем неформальную беседу. Моя первая встреча с ним была в VIP-зале международной авиакомпании TWA в чикагском аэропорту. На нем был голубой блейзер и оксфордская рубашка с черным галстуком; вместо приветствия он заказал скотч со льдом. Его голос был ровным и скрипучим, и его легче представить выкручивающим руки, чтобы выиграть контракт в магазине одежды Garment District, чем организующим жителей гетто. По мере того, как мы путешествовали вместе, я постепенно узнавал его. Он действительно весьма оригинальный человек! Чего стоит его заявление стюардессе: «Будьте добры, передайте главному пилоту, что мне дела нет до скорости ветра, и попросите его держать язык за зубами, чтобы мы могли поработать».

Нэт Хентофф⁶ написал в прошлом году: «В свои 62 года Сол – самый молодой человек из всех, кого я когда-либо встречал», и я теперь понимаю, что он имел в виду. Алинский обладает поразительной витальностью неукротимого, воинственного самца и всепоглощающим любопыт-

⁵ Алинский переоценил свое здоровье. Через два месяца после публикации этого интервью он умер от сердечного приступа в возрасте 63 лет (прим. переводчика).

⁶ Nat Hentoff – колумнист журнала The Village Voice.

ством относительно всего и всех вокруг него. Добавьте к этому острый ум, монументальное эго, совмещенное с его способностью смеяться над собой и всем миром, и вы начнете понимать масштаб этого человека. «И все же поздно вечером в мотеле аэропорта штата Милоуки его лицо было серым, изможденным, когда он смыл под душем ношу дня: три города, два выступления, бесконечные пресс-конференции и стратегические сессии. Какая-то неясная печаль окружила его ночью. Вдруг рухнул какой-то внутренний барьер, и он начал говорить – не для записи – о людях, которых он любил и которые умерли. Их было много, и они становились ближе к нему в мотеле, где он провел эту ночь с кондиционером, включенным на всю мощность, чтобы заглушить рокот самолетов. Он говорил в течение часа, затем внезапно замолчал на минуту, потом встал на ноги и направился к двери, сказав: “Мы уделаем их завтра!”. Гонка началась опять».

«Внутри среднего класса Америки зреет вторая революция» – интервью с Солом Алинским

Playboy. Мобилизация среднего класса Америки выглядит как отход от того, что вы делали раньше, а именно от работы с бедняками, черными и белыми, живущими в трущобах. Ожидаете ли Вы, что предместья окажутся плодородной почвой для Вашего организационного таланта?

Алинский. Да, это будет наиболее трудной кампанией в моей карьере, и ставки в ней очень высоки. Имей в виду, что люди все равно люди, живут ли они в гетто, в резервации или в предместье; пригороды – это тоже своего рода резервация, «позолоченное гетто». Я понял недавно, что любое позитивное действие, направленное на радикальное изменение, должно быть сфокусировано на белый средний класс по простой причине – именно здесь находится реальная сила (власть)⁷. Сегодня средний класс составляет три четверти населения страны, он является силой благодаря своему реальному уровню оплаты труда и/или его ценностной идентификации. Возьми, к примеру, самый низший слой среднего класса: синих воротничков и людей в рабочих касках, зарабатывающих от пяти до десяти тысяч долларов в год, людей, которые вовсе не считают себя бедными или низшим классом и которые поддерживают основной этос среднего класса, причем даже более ревностно, чем его более богатая часть. В первый раз в истории мы имеем страну, в которой бедные

⁷ Сила и власть переводятся на английский одним и тем же словом – power. «Сила» и «власть» постоянно трансформируются друг в друга в учении Алинского, происходит своего рода обмен валют: сила обменивается на власть – от городских властей до поста президента. Движения используют свою силу (численность и денежные фонды), чтобы провести своих кандидатов во власть на всех уровнях, что закончилось избранием (приходом во власть) социального организатора Барака Обамы в президенты. В работах Алинского это слово применяется в обоих его значениях (прим. переводчика).

являются меньшинством, где большинство не голодает, а выбирает себе подходящую диету.

Боже, если бы нам удалось соорганизовать все эксплуатируемые низкооплачиваемые группы – всех черных, мексиканцев, пуэрториканцев, бедных белых и затем с помощью своего рода организационного чуда связать их всех вместе – что бы мы могли совершить? По наиболее оптимистичной оценке это составит около 55 млн из 225 млн населения, т. е. на данный момент средний класс является преобладающим большинством⁸. Это то самое «молчаливое большинство», которое наш великий греческий философ в Вашингтоне старается возбудить⁹. Именно здесь есть главный шанс, и будущее страны зависит от него в следующие 50 лет¹⁰. Если мы уступим и позволим среднему классу следовать курсу Агню и Никсона без сопротивления, то вы можете считать игру сыгранной. Однако они еще доступны для нас – и мы собираемся их захватить.

Playboy. Тезис администрации Никсона о молчаливом большинстве построен на предположении о том, что средний класс по своей природе консервативен. Как даже наиболее изощренная организационная тактика может объединить средний класс вокруг Ваших радикальных целей?

Алинский. Консервативен? Какая чушь. Сейчас люди из среднего класса на перепутье. Но в ближайшие годы они могут пойти – и пойдут – в одном из двух направлений: либо в сторону собственного американского фашизма, либо в сторону радикального социального изменения. Сейчас они апатичны, их образ жизни Генри Торо назвал «жизнью в состоянии тихого отчаяния». Они подавлены налогами и инфляцией, отравлены загрязнением окружающей среды, напуганы новой молодежной культурой, сбиты с толку компьютеризированным миром вокруг них. Они работали всю свою жизнь, чтобы иметь маленький домик в пригороде, цветной телевизор, два автомобиля, а сейчас вся их хорошая жизнь обращается в прах. Их личная жизнь, как правило, пуста, их работа не удовлетворяет их, они сдались на милость транквилизаторов и обезболивающих средств, они тонут в своей тревожности и алкоголе, они чувствуют себя в западне своих неудачных браков или подавлены виной разводов. Они теряют своих детей и свои мечты. Они чувствуют себя отчужденными, безликими, отвергнутыми, потерявшими надежду, без возможности влияния на политические процессы. Их утопия статуса и обеспеченности превратилась в безвкусный пригород,

⁸ По сравнению с другими социальными группами. (прим. переводчика).

⁹ Этот термин первым ввел в массовый оборот американский президент Ричард Никсон. Он обратился в своей речи 1969 г. к людям, которые не выходят на демонстрации или протесты, или иначе, не вовлечены в публичную контркультуру (прим. переводчика).

¹⁰ Как раз на исходе этих пятидесяти лет средний класс начал свое политическое движение, в частности Tea Party, однако Алинский неверно предугадал цели и лозунги этого движения (прим. переводчика).

их двухэтажные дома проросли тюремными решетками и их разочарованность стала перманентной¹¹.

Они первыми начали жить в мире, полностью управляемом масс-медиа; каждый вечер они включают телевизор и новости приходят в их дом. Они видят неправдоподобный цинизм, ложь и откровенный идиотизм наших национальных лидеров, коррупцию и разрушение наших социальных институтов – от политических и судебных до Белого дома. На их глазах общество рушится, и они рассматривают себя как маленьких неудачников внутри большой неудачи. Все их старые ценности покинули их, лишая их компаса в море социального хаоса. Поверь мне, это хороший материал для организации.

Отчаяние уже здесь, сейчас самое время поскрести до крови их раны и побудить их к радикальному социальному действию. Мы дадим им способ участия в демократическом процессе, а также способ применения их прав как граждан. Мы выведем их из апатии и научим противостоять подавлению их образа жизни со стороны истеблишмента. Мы начнем с очень актуальных вопросов – налоги, работа, потребительские проблемы, загрязнение среды, и оттуда перейдем к более крупным проблемам: «загрязнению среды» в Пентагоне, Конгрессе и штаб-квартирах крупных корпораций. Как только ты соорганизуешь людей, они будут двигаться вперед от одной проблемы к другой, чтобы прийти в конце концов к главной из них – к власти народа. Мы не только дадим им осмысленную цель; мы, черт возьми, сделаем их жизнь более волнующей: настоящую жизнь вместо существования. Мы зажжем их!

Playboy. Вы не опасаетесь, что они уже насыщены о «радикалах, дары приносящих»?

Алинский. Конечно, сначала они будут подозрительны и даже враждебны. Это было в любом сообществе, где мне приходилось работать. Мои критики правы, когда называют меня пришлым агитатором. Когда сообщество – любого вида сообщество – чувствует себя лишенным надежды и беспомощным, оно нуждается в ком-то извне, кто придет и потревожит осиное гнездо. Это моя работа – поставить под сомнение и сломать заведенный порядок, заставить всех задавать вопросы, научить их перестать разговаривать и начать действовать, так как сытые коты у власти никогда не слышат, пока им не дадут пинок под зад. Я не говорю, что это легко сделать: люди среднего класса крайне инертны, настроены на поиск безопасного и легкого пути, боятся раскачивать лодку. Однако они начинают понимать, что их лодка и так тонет, и если они не возьмутся ее спасать, они

¹¹ Ирония ситуации, описанной Алинским, состоит в том, что предыдущие тридцать лет он как раз соорганизовывал бедных на борьбу со средним классом и решал большинство проблем бедных за счет налогов, собираемых со среднего класса. Алинский судит о ценностях «молчаливого большинства» по лозунгам левых движений 60-х (прим. переводчика).

все уйдут под воду. Средний класс сегодня пиззозидный, его политические воззрения противоречат объективной ситуации. Инстинкт диктует людям среднего класса поддерживать статус кво и радоваться ему, но реальность их ежедневной жизни подталкивает их к мысли, что этот статус кво эксплуатирует и предаёт их.

Playboy. В каком смысле?

Алинский. Во всех смыслах: от налогов до загрязнения среды. Средний класс чувствует себя сегодня гораздо более деморализованным и растерянным, чем даже неимущие. И эта ситуация чревата как возможностями, так и опасностью. **Внутри среднего класса Америки зреет вторая революция – революция потерянных, испуганных и ещё не нашедших публичного выражения своим чаяниям лидеров, нацупывающих возможные альтернативы на обретение надежды**¹² (выделено мною – прим. переводчика). Их страхи и разочарования по поводу собственной беспомощности могут превратиться в политическую паранойю и толкнуть их в сторону правых, делая их легкой добычей какого-нибудь всадника на коне, обещающего возврат утраченного рая. Движение правых укажет им на козлов отпущения – черных, хиппи, коммунистов, и если оно преуспеет, эта страна станет первым тоталитарным государством, национальный гимн которого прославляет «землю свободных и дом смелых». Мы не покинем поле битвы за средний класс без долгого и упорного сражения – сражения, которое мы собираемся выиграть, потому что мы покажем среднему классу его реальных врагов¹³ – корпоративную элиту, которая фактически правит страной и разрушает ее. Именно эта элита реально выигрывает от экономических реформ, которые проводит президент Никсон. А когда средний класс увидит этого врага, элите не поздоровится.

Playboy. В прошлом Вы фокусировали свое внимание на конкретных сообществах, где проблемы и их решения были вполне определенными. А сейчас замахиваетесь на организацию более 150 000 000 человек. Вас не беспокоит, что шансы против вас?

Алинский. Вы шутите? Я делаю это более 30 лет, и шансы никогда не волновали меня. На самом деле я всегда рассматривал сто против одного как равные шансы. Да, средний класс более аморфен, чем окраины южной Калифорнии, и мы собираемся организовывать его по всей стране, а не в одном городе. Однако правила те же самые. Вы начинаете с тем, что у вас есть, вы строите сообщество вокруг определенных проблем, а затем вы используете сформированную вами организацию как пример и как базу,

¹² Здесь Алинский прозорливо описал будущий электорат Барака Обамы в 2008 и 2012 гг., лозунгами которого были «Надежда и изменение» и «Изменение, в которое мы верим» (прим. переводчика).

¹³ Основной тактический принцип организации по Алинскому – мобилизация против общего врага (прим. переводчика).

чтобы работать с другими сообществами. Как только мы достигнем успеха (скажем, в Чикаго), мы перейдем в Цинцинати, или Бостон, или Дубьюк и скажем: «Вы видели, что мы сделали в Чикаго; давайте начнем делать это здесь». Как только мы достигнем начального успеха, процесс запускается и растет как снежный ком.

Это не получится легко, и, конечно, здесь есть элемент риска. Но что в жизни не связано с риском? Эйнштейн как-то сказал, что Бог не играл в рулетку, но он был не прав. Бог рискует все время, и иногда я думаю, что кости, которыми он играет, залиты свинцом (т. е. жульнические – прим. переводчика). Искусство организатора состоит во вмешательстве в действие. И поверь мне, в этот раз мы действительно сделаем этих выродков, мы ударим в их самое больное место. Знаешь, я смотрю на это как на кульминацию моей карьеры. Я в этой борьбе со времен Великой депрессии. В меня стреляли, меня били, сажали в тюрьму – они даже присуждали мне почетные ученые степени! – и в определенном смысле все это было подготовкой к этому этапу. Черт возьми, я люблю эту страну, и мы возьмем ее обратно! Я никогда не терял веру в это даже в самое тяжелое время, и уж точно не собираюсь делать это сейчас. Если повезет, то у меня есть еще десять продуктивных лет впереди. Я собираюсь использовать их для дела, которое для меня важнее всего.

Playboy. Как случилось, что Вы начали заниматься этой работой?

Алинский. Я начал организовывать людей в середине тридцатых, сначала для Конгресса производственных организаций, а потом сам по себе. Однако теперь я думаю, что я занимался бы тем же самым, даже если бы не было Великой депрессии. Я всегда по натуре был бунтарем, даже в детские годы. И бедность мне тоже хорошо знакома. Мои родители эмигрировали из России на рубеже XX века. Мы жили в одной из самых отвратительных трущоб в Чикаго; в таком гнилом месте, которое было хуже самого худшего, в самом низу общества, какой только можно представить. Мой отец начал как портной, затем он завел гастрономическую лавку и химичку и постепенно дорос до того, что стал нанимать помощников. Какой бы бизнес у него ни был, мы всегда жили в подсобном помещении этого бизнеса. Я помню, в детстве моей самой большой мечтой было спокойно посидеть несколько минут в туалете, и чтобы никто не тарабанил в дверь и не говорил мне выкатываться оттуда потому, что туда хочет войти клиент. До сегодняшнего дня для меня является роскошью сидеть в ванной комнате, чтобы меня никто в ней не тревожил. Обычно я провожу около двух часов утром в ванной за бритьем и душем – мой пункт из прошлого, однако в ванной мне также лучше думается и там мне приходят в голову свежие мысли.

Playboy. Были ли Ваши родители вовлечены в политику?

Алинский. В то время многие евреи участвовали в новом социалистическом движении, однако мои родители не были вовлечены в него. Они были строгими ортодоксами, их жизнь вращалась вокруг работы и синагоги. Их отношение к жизни было очень ограниченным. Я помню, что самым главным для меня они считали учебу, и худшее, что они могли себе представить, это что я плохо успеваю в ешиве и что я вырасту *a goyischer kop* (с мозгами *гой*). Когда я пошел в школу, то был очень удивлен, обнаружив, что среди *гоев* есть очень много умных ребят, ведь меня с детства учили, что они тупы и неразвиты. Этот вид шовинизма так же вреден, как антисемитизм.

Playboy. Приходилось ли Вам лично страдать от антисемитизма в детстве?

Алинский. Лично мне не приходилось, однако я знал о его существовании. Он был вокруг нас, как воздух. Он был настолько вездесущим, что об этом не надо было думать, а только принять как жизненный факт. Самая большая вражда у нас была с поляками. В 1918–1919 гг., когда я был подростком, у нас шла регулярная война с ними. Между нашими районами была невидимая граница, и если еврейская девушка переходила эту границу, ее могли изнасиловать прямо на улице. Время от времени наше противостояние переходило в полномасштабные военные действия. Я помню, как сотни поляков приходили громить наш район, и мы забирались на крыши, вооруженные кирпичами, кастрюлями с кипятком и рогатками, совсем как в Средние века. В какой-то момент появлялись полицейские на конях и в полицейских машинах и разнимали нас. Полицейские были из ирландцев, и они одинаково ненавидели обе воюющие стороны, так что полякам и евреям от них доставалось одинаково. Вот так работал «плавильный котел». Сегодня в Чикаго больше нет такой вражды: итальянцы, поляки, евреи и ирландцы помирились и объединились против черных. Однако в те дни этнические группы воевали друг против друга.

Помню один случай. Мне было, наверное, лет десять или одиннадцать. Моего друга побили поляки. Мы собрались большой группой, двинули на польскую территорию и здорово их избили, пока полицейские нас не растащили. Они взяли нас в участок и сообщили нашим матерям, те были вне себя. Моя мать забрала меня, крича, что я опозорил нашу семью. Когда мы покинули полицейский участок, она отвела меня к раввину, который отчитал меня за этот проступок. Однако я твердо стоял на своем. Я сказал: «Они избили нас, и это по-американски – дать сдачи. А кроме того, в Ветхом завете сказано: “Око за око, зуб за зуб”. Поэтому мы их здорово побили. Так поступают все». Раввин с минуту смотрел на меня и затем тихо сказал: «Ты думаешь, что ты – мужчина, потому что поступаешь, как все. Однако я хочу тебе сказать, что великий раввин Хилел сказал: “Где нету

мужчин, будь мужчиной”. Я хочу, чтобы ты помнил это». И я запомнил эти слова навсегда.

Playboy. Били ли Вы польских подростков после этого?

Алинский. Нет, урок раввина мне запомнился. Я даже не рассказываю польских анекдотов.

Playboy. Были ли Вы религиозным евреем в детстве?

Алинский. Скорее всего был – лет до 12. Я был религиозно образован и всерьез увлечен. Однако в какой-то момент я испугался, что мои родители сделают из меня раввина, и после этого я «прошел через абстинентный синдром» и завязал с религией. Теперь я – один из основателей организации «Анонимные верующие»¹⁴. Однако я скажу Вам одну вещь о моей религиозной идентичности: когда меня спрашивают о моей религии, я всегда отвечал и буду отвечать – еврей.

Playboy. Приходилось ли Вам бунтовать в других, нежели религия, областях?

Алинский. Да, я начал воевать с системой с семи-восьми лет. Я был ребенком, которому в голову бы не пришло ходить по газону – за исключением случаев, когда я видел табличку «По газону не ходить». В этом случае из противоречия я нарочно топал по нему. Я помню, когда мне было лет 10 или 11, раввин, который учил меня ивриту, давал мне задание читать Тору¹⁵ и потом проверял меня, задавая вопросы. Однажды я прочел ему три страницы подряд без ошибок в произношении, и вдруг на книгу сверху упал цент. Я взглянул на раввина, и он сказал мне, что это Бог награждал меня за успехи. Черт! Я был поражен! Весь этот день и всю ночь я думал об этом. Я не мог заснуть от возбуждения и прокручивал в уме все возможные объяснения. На следующий день раввин приказал мне продолжить чтение, но я отказался. Я просто стоял и молчал. Он спросил меня, почему я молчу, и я сказал: «В этот раз либо 10 центов, либо ничего». Он размахнулся и ударил меня. Я пролетел через всю комнату и приземлился в ее углу. Раввин стал проклинать меня вплоть до четвертого поколения: я восстал против Бога! Однако ничего не случилось, небеса не разверзлись, и гром не грянул. Ровно ничего не произошло, только фанатичный раввин был на грани апоплексического удара.

С моей стороны это было не столько вызовом, сколько актом любопытства, которое только выглядело как вызов. Мой отец, к примеру, был весьма строгим, и я не раз был им нещадно порот с неизбежным финалом: «Если ты еще раз это сделаешь, ты знаешь, что будет дальше». Я только склонял голову, шмыгая носом, и тут же исчезал. Но однажды, когда он

¹⁴ Организация людей, которые пытаются «завязать» с религией, по аналогии с известной организацией «Анонимные алкоголики» (прим. переводчика).

¹⁵ В оригинале – Old Testament (Ветхий завет); это скорее всего ошибка интервьюера.

опять начал меня наказывать, размахивая своим ремнем для заточки бритвы, и повторил: «Ты знаешь, что будет с тобой, если ты опять это сделаешь?», я спросил сквозь слезы: «Ну и что же случится?». Он открыл рот и не знал, что сказать. Он был абсолютно не готов к ответу. Я извлек для себя урок: власть – это не то, чем истеблишмент обладает на самом деле, а то, чем он обладает *по твоему мнению*¹⁶.

Playboy. Психолог мог бы заключить, что Ваша последующая карьера радикала была вызвана скорее ненавистью к отцу, чем оппозицией к истеблишменту.

Алинский. Салонная психиатрия не является моим хобби. В любом случае не думаю, что я когда-нибудь ненавидел моего старика; я его, по сути, не знал, а то, что я знал, не вызывало во мне интереса. Это чувство, похоже, было взаимным. Я помню, что когда я закончил колледж (на пике Депрессии), меня от полного голода отделяло только четыре доллара в кармане, а моя мать была так бедна, что я не хотел добавлять ей новые проблемы. В отчаянии я послал заказное письмо моему отцу, прося его помочь мне. Я получил подтверждение в получении письма, но не получил ничего от него в ответ. Он умер в 1950 г. или 1951 г. и, как я слышал, оставил наследство в размере 140 тысяч долларов. Большую его часть он завещал в пользу одного из садов в Израиле и детям от предыдущего брака. Мне он оставил ровно 50 долларов.

Playboy. Были ли Вы в той же мере далеки и от своей матери?

Алинский. О нет, мы с ней весьма близки. Моя мама – очень хороший человек, она жива и полна сил. Она говорит больше на идише, чем на английском, но она собирает все вырезки обо мне, и хотя не вполне понимает, *что* я делаю, всегда торжествует, когда я оказываюсь в центре внимания. Мол, «мой сын – революционер». Мне 63 года, но ее первые слова, когда я звоню ей, таковы: «Ты надел галоши? Тепло ли ты одет? Регулярно ли ты ешь?». Как истинно еврейская мама, она начинает с того, чем другие еврейские мамы заканчивают. Для других людей я профессиональный радикал; моей маме важно, что у меня *есть профессия*. Все, что я сделал после того, как получил высшее образование, для нее уже не так важно.

Playboy. Были ли Вы политически активны в колледже?

Алинский. В организационном смысле – нет, не был. Я поступил в Чикагский университет в 1926 г. Подозреваю, что я уже тогда был инстинктивным мятежником. Так, например, я навлек на себя неприятности, возглавив борьбу против обязательного посещения церкви, однако в то время это был лишь протест против авторитета. В первые годы в колледже у меня не было развитого социального мировоззрения. В эти годы затишья

¹⁶ Позднее Алинский сформулировал это изречение как одно из правил радикала (прим. переводчика).

перед Депрессией было очень легко находиться в приятном заблуждении, что мы живем в лучшем из миров. Но к третьему курсу я начал видеть мелькание «голового зада императора». К этому времени я уже прослушал много курсов по социологии и был поражен, как много чепухи в них говорилось о нищете и трущобах. Они преуменьшали страдания и лишения, наводя лоск на несчастья и отчаяние. Ведь я жил в трущобах и мог увидеть подлинную реальность сквозь их самодовольный академический жаргон. Именно в этот момент у меня возникло глубокое подозрение насчет академических ученых в целом и социологов в частности, за некоторыми исключениями.

Джимми Фарелл¹⁷ как-то сказал, что социологическое отделение Чикагского университета представляет из себя заведение, которое выделит 100 тысяч долларов на исследование, чтобы выявить расположение публичных домов, тогда как любой водитель такси сделает это бесплатно. В общем, я понял, как далеки замкнутые в себе социальные науки от реалий ежедневной жизни, особенно от тех людей, кто живет в нужде, и в том числе потому, что племя чиновников от науки, считающих людей по головам, имеет неограниченное влияние на так называемые программы борьбы с бедностью. Просить социологов решить проблему бедности — это как прописывать слабительное при поносе.

Playboy. Была ли социология Вашей специализацией в колледже?

Алинский. Боже упаси, я специализировался в археологии — предмете, который и до сих пор меня интересует. Я действительно любил и люблю это науку.

Playboy. Вы собирались стать профессиональным археологом?

Алинский. Да, в течение какого-то времени. Но когда я закончил колледж, Депрессия была уже в полном разгаре, а спрос на археологов был такой же, как на лошадей и телеги. Все бизнесмены, которые спонсировали полевые работы, были разорены. В любом случае, независимо от того, насколько я любил археологию, она стала бесполезной в те дни. Я начал активно вникать в социальные вопросы на последнем курсе колледжа, поскольку мы с товарищами взяли обязательство перед горняками южного Иллинойса, которые начали отчаянную забастовку, потому что эти ребята голодали. Мы собрали продукты и вещи, наняли грузовики и поехали туда помогать им.

Playboy. В это время Вы уже стали заниматься радикальной политикой?

Алинский. Да, в это время я стал радикалом (или осознал, что всегда им был) и начал в этом качестве делать что-то конкретное. Но я не рассма-

¹⁷ Существует несколько знаменитых людей с именем Jimmy Farrell. Скорее всего, Алинский имеет в виду американского писателя социалистической ориентации. Годы его жизни — 1904–1979 (прим. переводчика).

тривал это как профессию — я продолжал учиться, и думаю, что многие из моих идей по поводу того, что я могу и должен делать, были очень расплывчатыми, как и у большинства людей в то хаотичное время.

Playboy. Что Вы делали после окончания колледжа?

Алинский. Я голодал. Те небольшие деньги, что были у моей матери, пропали во время обвала на бирже, и, как я уже сказал, мой отец не поддерживал меня финансово. Я влачил жалкое существование, делая случайные работы в университете за 10 центов в час. Я полагаю, я мог бы получить некоторую поддержку через государственные программы, но — вы будете смеяться — я не мог себя заставить это сделать. Я скорее ограбил бы банк, чем принял подачку. В любом случае жизнь была тяжелая, и я опустился на самое дно. Я помню, как однажды сидел в каком-то задрипанном кафетерии и говорил себе: Вот он я, умник, закончил с отличием колледж и все такое, но я не могу не только нормально заработать, но даже прокормить себя. Что будет дальше? И тут ко мне пришла идея, как если бы в голове вспыхнула лампочка.

Я пересел за другой стол, поближе к кассиру, и обменялся с ней несколькими словами, затем выпил кофе и подошел к ней расплатиться. «Вот досада, прошу прощения, — сказал я, — я, кажется, потерял мой кассовый чек». Она видела, что я выпил только чашку кофе, и поэтому сказала: «Ничего, вы должны только 5 центов». Я заплатил и вышел, оставив неиспользованный чек на 5 центов в кармане, через несколько кварталов зашел в другой кафетерий той же самой сети, заказал много блюд на доллар и сорок пять центов и, поверь мне, на эту сумму я мог съесть практически все, что там было. Я сел подальше от кассира, все съел, затем подменил чеки, оплатил мой чек на 5 центов из предыдущего места и ушел. С этой поры мои проблемы с едой были решены.

Однако затем я решил подключить к этой операции других студентов. Я вывесил на доске объявлений большой текст, в котором пригласил всех голодных на встречу. Некоторые из них подумали, что это розыгрыш, однако я встал на кафедру и объяснил мою систему в деталях с помощью карты Чикаго, на которой были отмечены все точки этой сети кафетериев. Социальная экология! Я распределил моих компаньонов по группам с привязкой к разным секторам Чикаго; одна группа отправляется на южную сторону на ланч, другая на северную сторону на обед и так далее. Мы усовершенствовали нашу систему с научной точностью и последующие шесть месяцев ели бесплатно. Затем эти ублюдки из сети кафетериев ввели новые машины, выдающие клиентам при входе талончики, которые годились только для каждой отдельной точки питания. Это был удар под дых. Мы стали первыми жертвами автоматизации.

Playboy. Были ли у Вас моральные терзания по поводу обирания кафетериев?

Алинский. О, конечно, я потерял покой и сон, непрерывно думал об этом, меня раздирали противоречия и мучало чувство вины... Вы шутите? Я бы стал оправдываться, если бы украл бутылку джина из винного магазина, чтобы иметь мартини к обеду, но когда речь идет о голоде, все подходит. У человеческих прав разная приоритетность, и право на еду стоит выше права на получение дохода. И на всякий случай: если у вас зародились какие-либо идеи, за давностью лет это преступление уже не подлежит наказанию.

Однако эта история интересна тем, что это было мое первое выступление в качестве организатора, и я извлек из него некоторый опыт. Когда кафетерии обхитрили нас, группа ребят, которую я организовал, пришла ко мне с вопросом: «Хорошо, Сол, а что мы будем делать дальше?». Когда я сказал, что у меня нет других идей, они на меня серьезно обиделись. В этот момент я понял значение старого изречения: «Затянувшееся одолжение воспринимается его получателями как их право».

Playboy. Продолжили ли Вы свои преступные действия?

Алинский. Преступление? Это не было преступлением – это была борьба за выживание. Однако мои приключения в стиле Робин Гуда быстро закончились: я получил самую высокую стипендию для продолжения образования в магистратуре по специальности «Криминология». Эта стипендия покрывала обучение, проживание и еду. Я до сих пор не знаю, почему я ее получил; может быть, потому, что я не прослушал ни одного курса по этому предмету и ничего не знал о нем. Однако это было время Депрессии, и я чувствовал, что кто-то вытянул для меня счастливый билет и спас мою жизнь. Черт возьми, если бы эта стипендия была бы в области химчистки, я бы все равно взял ее. Как бы то ни было, я скоро выяснил, что криминология была так же далека от понимания реальных причин преступлений, как социология от реального общества, поэтому я решил делать свою докторскую диссертацию о мафии Ала Капоне методом включенного наблюдения.

Playboy. Как Капоне отреагировал на Вашу идею?

Алинский. Вначале они приняли меня довольно холодно. Я пришел в штаб-квартиру банды в старом Лексингтон-отеле и начал вертеться в лобби и ресторане. Я заметил одного бандита, чью фотографию я видел в газете, подошел к нему и сказал: «Меня зовут Алинский, я изучаю криминологию, не возражаете ли вы, если я буду пастись рядом с вами?» Он взглянул на меня и сказал: «Убирайся, панк». Так повторилось несколько раз, и мне стало казаться, что у меня ничего не получится. В одну ночь я сидел в ресторане, за соседним столиком сидел Большой Эд Стэш, профессии-

ональный убийца, который служил киллером в банде Капоне. Он шел с группой своих приятелей. В какой-то момент он сказал: «Эй, рассказывали я вам историю, когда я подхватил эту рыжую в Детройте?» Его прервал хор голосов: «Господи, мы уже знаем эту историю, неужели мы должны слушать ее опять?» Стэш изменился в лице; бандиты вообще очень ранимы и чувствительны. Я наклонился и подергал его за рукав: «Мистер Стэш, я хотел бы послушать эту историю». Его лицо осветилось: «Действительно, парень?» Он хлопнул меня по плечу: «Пододвигай свой стул. В общем, эта девка...». Так началось мое знакомство с бандой.

Большой Эд получил в моем лице заинтересованную аудиторию, и мы стали приятелями. Он представил меня Фрэнку Нитти, который, как известно, был «лейтенантом» Капоне, человеком номер два в его банде. Фактически он контролировал всю банду, так как к этому моменту Ал Капоне был обвинен в неуплате налогов и сидел в тюрьме. Нитти взял меня под свое крыло. Я называл его «профессором», а сам стал его студентом. Ребята Нитти брали меня с собой повсюду, показывали мне все операции своей банды – от пивных и борделей до букмекеров, которых они только начинали прибирать к рукам. В течение нескольких месяцев я узнал все операции банды Капоне в деталях.

Playboy. Почему профессиональные бандиты стали делиться секретами с чужаком?

Алинский. А почему нет? Какой вред я мог им нанести? Даже если бы я рассказал обо всем, что узнал, никто не стал бы меня слушать. Они туго повязали весь Чикаго; они фактически владели всем городом, включая полицейских и мэра. Забудьте всю чушь об Элиоте Нессе¹⁸ – единственной реальной оппозицией банде гангстеров могут быть только другие гангстеры. Федеральное правительство может попытаться прищучить их с помощью налоговых приговоров, однако оно не могло уменьшить их власти внутри Чикаго. Капоне сам был частью истеблишмента. Когда одного из его ребят уколошили, в городе не проходило ни одного заседания суда, так как все судьи были на похоронах; более того, некоторые из них несли гроб с убитым. Поэтому они не боялись какого-то студента и смотрели на меня как на талисман. Они никогда не старались скрыть что-либо от меня; я был их единственным студентом, и они с готовностью учили меня. Это льстило их самолюбию.

Однажды, когда я просматривал их учетные записи, я заметил одну из позиций – платеж семь с половиной тысяч долларов наемному убийце из другого города. Я обратился к Нитти с вопросом: «Послушайте, мистер

¹⁸ Ness Elliot (1903–1957) – руководитель группы агентов программы по борьбе с бутлегерством в Чикаго, которая помогла налоговому ведомству собрать улики для осуждения Ала Капоне (прим. переводчика).

Нитти, я этого не понимаю. У вас в штате есть как минимум 20 убийц, почему вы транжирите столько денег на кого-то из Сент-Луиса?» Фрэнк был поражен моим невежеством. «Послушай, малыш, – сказал он терпеливо, – иногда наши ребята могут знать лично человека, которого им предстоит убить. Они могли быть приглашены на обед в его дом, могли взять его детей на бейсбол, могли быть дружкой на его свадьбе или выпивать вместе. Но если позвать человека из другого места, все, что нужно сказать ему: “Вот тот человек в темном пальто на перекрестке улиц Стайт и Рэндолф; наш человек укажет на него, пойди и всади три пули в его живот и растворись в толпе”. Это работа, и он профессионал, значит, он ее сделает. Но если ее сделает один из наших ребят, будущая жертва увидит, что это его друг; если он нажмет курок, он будет знать, что вдова останется без мужа, дети без отца, похороны, плач... Боже, это будет убийством!» Я думаю, что Фрэнк был несколько разочарован тем, что я усомнился в мудрости его практики, и он, наверное, поразился моей бесчувственностью.

Playboy. Чувствуете ли Вы угрызения совести по поводу столь дружеских отношений, если не пособничества, с убийцами?

Алинский. Совершенно нет. Ведь я ничего не мог сделать по поводу убийств, к тому же они по большей части были совершены в отношении членов «семьи». Я был неучаствующим наблюдателем их профессиональной деятельности, хотя и участвовал в их социальной жизни, как, например, еда, выпивки и женщины. О, я с большим удовольствием участвовал в этой стороне их жизни – это был рай. И позволь мне сказать, что я многое узнал от мафии об использовании власти и злоупотреблении властью. Эти уроки сослужили мне большую пользу, когда я начал работу по организации сообществ¹⁹.

Еще одну вещь вы должны понять относительно Капоне: он появился не из вакуума. Мафия Капоне была фактически общественным сервисом; она обеспечивала людей тем, что они хотели и требовали. Человек с улицы хотел женщин, и Капоне давал их ему. Он хотел алкоголь во время запрета на его продажу, и Капоне продавал ему алкоголь. Он хотел делать ставки на бегах, и Капоне организовал тотализатор. Все это действовало в соответствии со старым законом спроса и предложения, и если бы не было людей, которые бы желали их услуг, то у них не было бы бизнеса²⁰. Все владели акциями в мафии Капоне, в некотором смысле он был общественным покровителем. Я помню случай, когда он появился на стадионе на игре по американскому футболу в День бойскаутов, и восемь тысяч бой-

¹⁹ Алинский многократно применял в своей практике методы выкручивания рук, но только не силой, а другими способами принуждения к сотрудничеству (прим. переводчика).

²⁰ Это объяснение довольно далеко от реальной жизни, так как мафия облагала данью и вполне законные бизнесы. Мы уже не говорим, что в нем совершенно отсутствует моральная оценка (прим. переводчика).

скаутов вскочили на ноги и начали скандировать «Да, да, Большой Ал! Да, да, Большой Ал!». Не Капоне создал атмосферу коррупции, он только нажил состояние на ней, как, впрочем, и политические партии, полиция и в целом местная экономика.

Playboy. Как долго Вы были «почетным членом» мафии?

Алинский. Около двух лет. После того как я узнал все об их организации, мне стало скучно, и я решил двинуться дальше – между прочим, это повторяющийся маневр в моей жизни. В той же степени мне наскучила моя докторская программа в университете, поэтому я ее тоже бросил и получил должность в отделении криминологии штата Иллинойс, чтобы работать с подростками-правонарушителями. Это привело меня в другой исследовательский проект – исследование банды итальянских подростков, которые называли себя «бандой 42». Она была ответственна за почти 80 % угонов автомобилей и постепенно начала заниматься на стороне крупным рэккетом. С ними было еще труднее сойтись, чем с бандой Капоне, поверь мне. Они были крутыми и недоверчивыми ребятами с непредсказуемым темпераментом. После того как я закончил работать с «бандой 42», я ушел из отделения криминологии штата и пошел работать криминологом в тюрьму в Джолиет, но к этому времени мне надоела эта профессия и я искал что-то другое.

Playboy. Почему Вам стало скучно в этот раз?

Алинский. По многим причинам. Во-первых, большинство людей, с которыми я работал: другие криминологи, надзиратели, офицеры по условно-досрочному освобождению – были равнодушны, целиком «обезболены». Боже, я никогда не встречал в моей жизни такую коллекцию идиотов. Я начал думать, что все это направление работ было сборищем для душевнобольных. По-человечески я был возмущен брутальностью, отсутствием человеческого подхода, институциональной жестокостью тюремной системы. И видел, что это может случиться и со мной, что было для меня главной мотивацией для скорейшего ухода. Когда я только пришел в Джолиет, я был полон неподдельного личного интереса к заключенным, которых я интервьюировал. Я был включен в их проблемы, стрался помочь им. Однако опасность работы внутри института, любого института, состоит в том, что ты сам становишься «институционализирован». Два года спустя, после двух тысяч интервью, я разговаривал с подростком – и больше не интересовался им. Я постепенно становился толстокожим; он был больше не интересен мне как человек. Он был просто заключенным номер 1607. Когда я понял, что со мной происходит, я больше не мог заниматься этим.

Playboy. Агитировали ли Вы за тюремную реформу, когда работали в Джолиет?

Алинский. Я мало что мог сделать, так как в качестве государственного криминолога я не был напрямую включен в администрацию тюрьмы. О, я произнес много речей, говоря людям, что система не работает, что реабилитация – это насмешка, что наша тюрьма хуже, чем в XIV веке; они с энтузиазмом аплодировали мне и с облегченной душой шли домой. Все это было бесполезно. Эти речи только создали мне репутацию возмутителя спокойствия. Вы знаете, что эксперты и учебники в области криминологии единодушно признают, что причины преступного поведения кроются в социальных условиях, таких как плохое жилье, расовая дискриминация, экономическая незащищенность и т. п. Но если ты предложишь что-то сделать, чтобы искоренить эти причины, вместо того чтобы изолировать преступников от общества, тебя рассматривают как своего рода ненормального. Несколько раз мои боссы отзывали меня в сторону и говорили: «Послушай, Сол, не говори так. Люди будут думать, что ты красный или вроде того». В конце концов я покинул Джолит и поступил на работу в Институт подростковых исследований – одно из заведений, где изучают причины подросткового криминального поведения, делая опросы подростков в многоквартирных домах, где есть только холодная вода, где крысы грызут их пальцы на ногах и где детям нечего есть, а затем предлагают решения: походы с ночевками и еще всякую чушь, которую они называют развитием характера. Честно говоря, я рассматривал эту должность как синекуру, которая оставляла мне время для более важной работы.

Playboy. Для какой именно?

Алинский. Для политических движений, которые имели большое значение в те дни: борьбы с фашизмом дома и за границей, работы по улучшению жизни огромного числа безработных, у которых не было еды и надежды найти работу. Я тратил все свободное время на сбор средств для интернациональной бригады в гражданской войне в Испании и для американских южных фермеров-издольщиков, на организацию гильдии газетных журналистов и других неоперившихся профсоюзов; на борьбу против выселения людей из трущоб, за которые они не могли заплатить; на агитацию за строительство домов для бедноты, что тогда рассматривалось как подрывная идея. В это время я начал работать с Конгрессом производственных организаций. Вы знаете, многие молодые люди сегодня находят скучными рассказы их родителей, которые прошли через Депрессию. Может быть, они и правы, потому что часто это служит оправданием для ничегонеделания сегодня. Видит Бог, слишком много людей, которые были радикалами в тридцатых, теперь превратились в штрейкбрехеров из-за страха перед маккартизмом в пятидесятых, или из-за кооптации в систему, или просто потому, что их политические артерии окостенели. Но из

этого времени может быть извлечено много уроков, которые могут пригодиться и сегодня.

Playboy. Как близко страна была к революции во время Депрессии?

Аллинский. Намного ближе, чем обычно думают. Реформы Рузвельта спасли систему от самой себя и предотвратили полную катастрофу. Надо напомнить, что канули в прорву не только деньги людей, но и целиком их система ценностей. Американцы привыкли восхищаться своим обществом как перевалочным пунктом с земли в рай, с его ценностями упорного труда и бережливости как гарантии безопасности, успеха и процветания. И вдруг в течение нескольких дней билеты в рай были отменены без возврата их стоимости, и все перевернулось вверх дном. За одну ночь американская мечта превратилась в кошмар для подавляющего числа американцев и прекрасный мир с многообещающим концом вдруг подкрался и накрыл их с головой. Их сбережения испарились за закрытыми дверями обанкротившихся банков, их работа исчезла за закрытыми воротами фабрик, а их дома и фермы были отобраны у них из-за невыплаченных ипотек. Немедленно дымовые трубы фабрик стали безжизненными и холодными, машины остановлены и холод повис над страной.

Люди старались обмануть себя и говорили: «Это только сон, мы проснемся и увидим солнечный свет двадцатых снова в наших домах и на наших работах, с пыленком в каждом котле и с двумя автомобилями в гараже». Однако, когда они открыли свои глаза, их обступила реальность нищеты и безнадежности, реальность, которой они никогда не ждали, которой они не заслуживали. Ведь они работали не покладая рук, откладывали на черный день и ходили в церковь каждое воскресенье. О, конечно, говорили они себе, бедность существует, но где-то далеко от нас, в темных уголках нашего общества. Она угрожает черным и людям со смешными иностранными именами, тем, кто не умеет говорить по-английски, но это не может случиться с нами, с божьими людьми. Но темнота не только не ушла, она еще более сгустилась. Сначала люди онемели и отдались отчаянию, но постепенно они начали приглядываться к новому и страшному миру, в котором они оказались, и стали пересматривать свои ценности и приоритеты.

Нас учили в школе и с амвона, что бедные будут всегда, потому что всегда будет сколько-то не приспособленных к жизни людей, неудачников, дураков или лентяев. Но чтобы мы все оказались идиотами, или бездейственными, или некомпетентными? Новое настроение стало закипать в стране, и общее несчастье стало постепенно разъедать традиционные ценности здорового индивидуализма, бескомпромиссной конкуренции и лицемерной филантропии. Люди начали искать что-то, на что они могли бы опереться, и они нашли друг друга. Мы неожиданно обнаружили, что

беспощадный закон выживания наиболее приспособленных больше не работает, что другие люди могут принимать участие в наших проблемах, а мы можем помочь им в их проблемах. Что-то похожее возникло в Лондоне во время налетов авиации во время Второй мировой войны, когда социальные барьеры были сломлены перед лицом общего несчастья.

В тот момент в Америке стали слышны новые голоса и возникать новые ценности. Люди начали цитировать Джона Донна²¹: «Нет человека, который был бы как остров». Они обнаружили, как много общего у них есть с другими людьми, и стали объединяться, чтобы улучшить свою жизнь. В первый раз после движения за отмену рабства между черными и белыми возникло действительное единство, когда представители обеих рас сошлись вместе, чтобы противостоять угрозе безработицы и снижения заработной платы. Это был один из наиболее важных аспектов тридцатых годов: не просто политическая борьба и реформы, но и внезапное осознание общей судьбы и человеческих связей между миллионами людей. Наблюдение за этим процессом, и тем более участие в нем, — волнующий и воодушевляющий опыт.

Playboy. Ваши слова звучат несколько ностальгически.

Алинский. Да, это было замечательное время! Но, черт возьми, и очень жестокое. Когда люди жалуются мне на насилие и беспорядок в сегодняшней Америке, я советую им взглянуть повнимательнее на тридцатые. Мы были свидетелями того, как тысячи американских ветеранов, которые просили от государства продовольственной помощи и которые объединились в лагерях вдоль реки Анакостия, были разогнаны военными штыками. Другим примером может служить побоище в День поминовения в Чикаго, когда дюжины мирных пикетчиков были расстреляны в спину²².

Те, кто сохранили работу, нанимались и увольнялись по произволу работодателей и работали в качестве придатков к механическим конвейерам. Им не полагалось ни пенсии от предприятия, ни пособий по безработице, ни государственной пенсионной программы, ни медицинской программы после вступления в пенсионный возраст — словом, ничего, что бы обеспечило минимальную защиту рабочего. Когда радикалы словами и делами во-

²¹ John Donne (1572—1631) — английский поэт и священник. «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши, и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе (прим. переводчика).

²² Версия Алинского оспаривается другими источниками. Демонстрация была приурочена к забастовке сталелитейщиков; она не была вполне мирной, так как ее участники были вооружены тем, чем мог. Согласно другим источникам, десять, а не дюжины, как у Алинского, неизвестных участников демонстрации были расстреляны полицией 30 мая 1937 г. в Чикаго (прим. переводчика).

евали с такими бесчеловечными условиями найма, их преследовала местная полиция, а также Федеральное бюро расследований, возглавляемое Гувером. Он в те давние дни был уже охвачен паранойей, а Комитет по антиамериканской деятельности в Вашингтоне истерично преупреждал об опасности большевистских орд. Как только забастовки и общественные беспорядки распространились по всей стране, начались призывы к восстановлению закона и порядка. Да, добрые старые времена, разумеется. Черт подери! Страна была поляризована и ожесточена гораздо больше, чем сегодня.

Playboy. Когда Вы целиком погрузились в радикальное движение?

Аллинский. Примерно в 1938 г. Я держался за свою работу в Институте подростковых исследований так долго, как мог, прилагая минимум усилий, однако политическая борьба все больше и больше увлекала меня. К тому же в отличие от многих людей, с которыми я сотрудничал, я одновременно находился в двух лагерях, и если ситуация становилась чересчур опасной, я всегда имел теплое местечко, где мог ее переждать. Это стало тяготить меня. Раздражало также, что меня стали называть экспертом в области криминологии: газеты называли меня лучшим специалистом в этой области, меня приглашали выступать на занюханных конференциях, писать научные работы и тому подобное. Это скорее свидетельствует об убогом состоянии науки криминологии; любой, кто демонстрирует хоть какие-то проблески интеллекта, автоматически становится национальным авторитетом.

Все это донимало меня, и вдобавок мне опять стало очень скучно; я узнал все, что можно было узнать в этой области, и я был готов двинуться в сторону поиска более трудных форм пропитания. Однако я все еще не знал, как зарабатывать на жизнь, поэтому в течение некоторого времени продолжал уговаривать себя: «По крайней мере, в этом месте я честно зарабатываю на жизнь. Если бы я был в бизнесе, то должен был бы подлаживаться под своих клиентов и соглашаться с ними. А здесь я могу открыто выражать свое мнение». Потребовалось некоторое время, чтобы я понял, что единственная разница в этом отношении между наукой и бизнесом — это разница между шляхой за пять долларов и девушкой по вызову за сто долларов.

Решение пришло ко мне, когда мне предложили должность руководителя штатной администрации условного освобождения и испытательных сроков с жалованием 8000 долларов в год и с дополнительными бонусами: чтение лекций в Университете Пенсильвании за 2400 долларов в год и еженедельная колонка в филадельфийской вечерней газете о том, как предупредить детскую преступность. Имей в виду, что десять с лишним тысяч тогда равны тридцати тысячам сегодня²³. Это было решающим

²³ Семьдесят тысяч в 1972 г, или более ста тысяч долларов в 2018 г. (прим. переводчика).

моментом для меня. Я представлял себя в хорошем доме в предместье в двух часах езды от Нью Йорка со всеми его театрами и концертами, с деньгами в банке, автомобилем и другими удовольствиями. И я уже слышал, как говорю себе: «Ты лучше не рискуй и не порть ситуацию. В конце концов, ты принесешь больше пользы, работая со студентами, чем если включишься в борьбу. Ты можешь писать речи или статьи и вставлять свои мысли между строк или в примечаниях, и тем самым иметь реальное влияние». Или: «Это даст мне финансовую свободу для более эффективного участия в движении».

Бред собачий. Как только твоя жизнь становится сытой и комфортной, как только ты достигаешь вершин, тебе хочется остаться там. Ты попадаешь в тюрьму собственной «свободы». Я видел много тощих и голодных профсоюзных лидеров тридцатых годов, которые позже нарастили себе жир в животах и головах. В общем, я отказался от этой работы и посвятил все свое время радикальному движению.

Playboy. Каков был Ваш первый опыт в организации людей?

Алинский. Моим первым опытом, когда я работал один, была организация людей на территории, прилегающей к заводам по разделке и упаковке мяса²⁴ в Чикаго (знаменитым Чикагским бойням – прим. переводчика), одной из наиболее запущенных трущоб страны. Мне помогло то, что в Конгрессе производственных организаций я работал напрямую с его лидером Джоном Л. Льюисом; позже я был посредником между ним и президентом Ф.Д. Рузвельтом, когда их политический альянс зашатался. Мы стали друзьями с Льюисом, и я многому научился от него. Однако я всегда чувствовал, что мой собственный путь лежит вне рабочего движения. Я хотел попытаться использовать организационные тактики, в которых я поднаторел в Конгрессе, в работе с людьми в гетто и трущобах, чтобы наиболее угнетенные и эксплуатируемые в стране люди могли взять контроль над своими общинами и своей судьбой. До этого времени только некоторые фабрики и заводы соорганизовались, чтобы изменить ситуацию, однако этого никогда не случалось по месту жительства. Это направление я и выбрал для себя – организация соседских общин для приобретения власти на своей территории во имя радикальных целей.

Playboy. Почему в качестве первой цели Вы выбрали Задворки?

Алинский. Этот район привлек меня по нескольким причинам. Эптон Синклер описал в книге «Джунгли», каким он был на пороге XX столетия, и за прошедшие тридцать с лишним лет ничего не было сделано для улучшения жизненных условий в нем. Этот район был хуже всех известных трущоб в Америке. Люди – как безработные, так и получающие жалование ниже прожиточного уровня – были сломлены и деморализированы.

²⁴ Район назывался The Back of the Yards area (прим. переводчика).

ны, больны, жили в антисанитарных условиях, в неотапливаемых лачугах, с минимумом одежды и еды, недостаточным даже для выживания. Это был отстойник ненависти: поляки, словаки, немцы, черные, мексиканцы и литовцы ненавидели друг друга и все вместе ненавидели ирландцев, которые отвечали им взаимностью в еще в большей степени.

Местные фашистские группы, такие как Немецко-американский бунд, Национальный союз отца Кафлина (Coughlin) и «Серебряные рубашки Вильяма Дадли Пелли» (William Dudley Pelley), работали на этой территории, используя недовольство и вербуя там новых членов. Не потому, что людям был симпатичен фашизм, — они просто от отчаяния хватались за все, что давало им хоть проблеск надежды. Кафлин и Пелли предлагали им наглядных козлов отпущения в виде евреев или «международных банкиров». Но я знал, что если предложить им реальную, позитивную программу изменения кошмарных условий их жизни, им не нужны будут козлы отпущения. Кроме того, если удастся изменить жизнь к лучшему в этом районе, то это удастся в любом другом.

Люди говорили мне: «Сол, ты сошел с ума. Любое место, только не Задворки. Это невозможно, у тебя ничего не получится». Вы должны помнить, что для большинства людей в те дни сама идея, что бедняки имеют достаточно ума и предприимчивости, чтобы решить их собственные проблемы, была ересью, даже многие радикалы были крайне элитарны и неискренни в своей практике. Чем больше мне говорили, что это невозможно, тем больше я укреплялся в своем желании двигаться вперед по своим планам.

Playboy. Каков был Ваш подход к организации такого сообщества, как Задворки?

Аллинский. Мой первый шаг, и затем я обычно с него и начинал, был таким: войти в это сообщество как наблюдатель. Говорить с людьми, слушать их жалобы, чтобы узнать их настроения и установки. Затем я старался понять, с чем мне придется работать, какие рычаги у меня есть, чтобы открыть закрытые двери, какие из существующих институтов и организаций могут быть полезны в моей работе. На территории Задворок практически все были католиками, и я понял, что если мне удастся заручиться поддержкой церкви, то у нас может что-то получиться. И наоборот, без участия церкви (или, по крайней мере, части ее) все становилось маловероятным и нам бы не удалось сделать заметных изменений.

Playboy. Но ведь католическая церковь была консервативной в то время, не так ли?

Аллинский. На национальном уровне она безусловно была консервативна. Однако в Чикаго в те дни была особая ситуация: местная епархия под руководством кардинала Манделина (Mundelein) и епископа Бернарда

Шейла (Sheil) была самой прогрессивной в стране. Шейл был замечательным человеком, либеральным и симпатизирующим рабочим. Он одобрял то, что я хотел делать на Задворках, однако главным было привлечь на свою сторону местных священников. Некоторые из них были очень консервативны.

Один из кардинальных принципов моей работы состоит в том, чтобы не апеллировать к принципам людей, к их ценностям, как это делают многие лидеры движения за гражданские права. Допустим, я зашел бы в офис какого-нибудь религиозного лидера любой конфессии и стал бы говорить: «Послушайте, я призываю вас жить по христианским принципам, претворить слова Христа о братской любви и социальной справедливости в реальность». Что, ты думаешь, произойдет? Он тепло пожмет мою руку и скажет: «Благослови тебя Бог, сын мой», а после того как я уйду, скажет своему секретарю: «Если этот сумасшедший придет опять, скажи ему, что меня нет».

Поэтому, чтобы вовлечь католических священников в наш план, я ничего не говорил о христианской этике, я апеллировал только к их собственным интересам. Я начал наш разговор так: «Послушайте, вы призываете людей держаться подальше от профсоюзов и коммунистов, правильно? — Он кивнул. — И что они делают? Они говорят: “Да, отец”, а сами выходят из церкви и идут вступать в профсоюз. Почему? Потому, что это их хлеб с маслом, потому что профсоюз делает что-то, как-то решает их проблемы, в то время как вы сидите в своей ризнице и ждете неизвестно чего». Это их задело, и это как раз то, что я хотел. Потом я добавил: «Если вы и дальше будете дистанцироваться от своей паствы, вы отворачиваете их от вашей церкви и сами толкнете их в руки красных. Ваш единственный выход — действовать первыми, побить коммунистов в их собственной игре, показать людям, что вы больше заботитесь об их жизненных условиях, чем о повышении церковных сборов. И вы не только вернете их, поддерживая их борьбу; когда они выиграют ее и станут более зажиточными, вы увидите, что пожертвования вашей церкви вырастут и ее благосостояние увеличится». То есть я говорю с ними на их языке, и мы можем сесть и заключить сделку. Это и случилось на Задворках; в течение нескольких месяцев подавляющее большинство священников поддерживало нас, и мы проводили собрания в их церквях. Чтобы победить врагов, ты должен прежде соблазнить и привлечь своих союзников.

Playboy. Как Вам удалось получить поддержку всего сообщества?

Алинский. Первым шагом было переманить на нашу сторону священников — тем самым мы, с точки зрения жителей района, получили одобрение и поддержку от правильной стороны. Но мы должны были убедить их, что сможем добиться того, что обещали, что мы не просто еще одно из тех

социальных агентств, которые сильны в обещаниях, но слабы в действиях. Однако самыми большими препятствиями на нашем пути были апатия, отчаяние и безнадежность большинства обитателей трущоб. Вы должны помнить, что люди, которые видят полную и сокрушающую несправедливость, редко восстают против нее, они просто сдаются. Малый процент этих людей ломается и кончает жизнь самоубийством, остальные говорят: «Конечно, это плохо, но что мы можем сделать? Вы не можете воевать с городской властью. Это поганый мир для всех, но кто знает, может быть, я вытяну счастливый лотерейный билет. И возможно, что кому-то еще хуже, чем мне».

Первый шаг, который мы должны были сделать в работе с сообществом, состоял в том, чтобы преодолеть все оправдания бездействия. Мы говорили людям: «Послушайте, вы не должны примиряться со всем этим безобразием. Вы можете переломить это. Но чтобы что-нибудь изменить, вы должны стать силой, и этого можно достичь, только создав организацию. Сила имеет две формы — это деньги и люди. У вас нет денег, но у вас много людей, и вы все вместе можете сделать многое». И мы показываем рабочим завода по упаковке мяса, как они могут организовать профсоюз и потребовать повышения зарплаты, и мы объясняем местным хозяевам лавок, что их доходы увеличатся, когда зарплаты вырастут, и мы рассказываем людям, снимающим комнаты и квартиры, как они могут воевать против хозяев этих квартир. Очень скоро мы создаем в этом районе широкую коалицию рабочих, местных бизнесменов, профсоюзных лидеров и домохозяек, нашу силу — и мы готовы к началу сражения.

Playboy. Какую тактику Вы использовали?

Алинский. Все тактики, что были нам доступны в те дни: бойкоты магазинов, забастовки на заводе, забастовки квартиросъемщиков против хозяев трущобных домов, пикетирование бизнесов, которые эксплуатируют рабочих, сидячие забастовки в здании городской администрации и в офисах коррумпированных местных чиновников. Мы срамливали политиков между собой, разбивая их смычку, и затем раскалывали их поодиночке. Вначале истеблишмент презрительно отмахивался от нас, однако довольно быстро они забеспокоились, так как увидели, что мы объединены и в этом качестве можем оказывать сильное экономическое и политическое давление. В конце концов они постепенно стали уступать: уменьшать квартирную плату, строить дома для бедных, улучшать муниципальные услуги и школы, выдавать бедным ипотеку и банковские ссуды.

Приведу пример того, как личные отношения играют критическую роль в организации. Главным инструментом нашей борьбы на Задворках было объединение рабочих в профсоюзы, потому что большинство местных жителей работали на упаковочных заводах. Без повышения зар-

плат и улучшения их жилищных условий их жизнь никогда не изменилась бы к лучшему. В то время мясные бароны обращались со своими рабочими как с рабами. Нанятые ими отряды злобных штрейкбрехеров терроризировали тех, кто заикался о создании профсоюза. Один из этих головорезов в самый напряженный момент нашей борьбы обстрелял мой автомобиль. Он промазал – и я тоже, черт возьми, промазал, когда отстреливался. В общем, мы знали, что наш успех или поражение зависели от того, сможем ли мы создать профсоюзы на этих предприятиях. Мы пикетировали, устраивали сидячие забастовки, агитировали, однако отраслевые боссы не отступали. Я сказал: «Мы не можем победить их лобовой атакой, тогда обойдем их с фланга. Давайте припррем к стенке городские банки, которые кредитуют эти предприятия, и заставим их нажать на боссов, чтобы они приняли наши условия». Мы провели целую серию тактических операций против банков, но сначала они заняли неопределенную позицию, а потом образовали единый фронт с хозяевами отрасли и отказались сдаться и даже вести переговоры.

На тот момент мы не продвинулись ни на шаг в нашей основной борьбе, и я начал волноваться. Я напряг мозги, пытаясь найти новые способы оказания давления на банки, и в конце концов пришел к нужному решению. В те дни неограниченным правителем Чикаго был его мэр Келли (Kelly), чья политическая машина была намного мощнее сегодняшнего мэра Дали²⁵. Когда Келли звал, все отзывались – от подручных из районных администраций до самых крупных бизнесменов. В то время в стране было четыре города с наиболее мощными политическими машинами – Келли в Чикаго, Пендергаст (Pendergast) в Канзас-сити, Кёрли (Curley) в Бостоне и Хааг (Hague) в Джерси-сити – и эти четверо вместе обладали огромной властью потому, что обеспечивали победу Демократической партии в своих штатах, в которых было неустойчивое соотношение голосов между двумя партиями. Поэтому Рузвельту приходилось считаться с ними, однако они имели такую плохую репутацию, что когда президент встречался с ними, он запускал их через заднее крыльцо Белого дома и вел секретные заседания в комнате для курения. Это было особенно верно в отношении Келли, так как либералы по всей стране ненавидели его за его реакционную антирабочую позицию и его участие в расправе над рабочими в 1937 г.

Келли был курьезным персонажем, смесью противоречий (как, впрочем, каждый из нас). Несмотря на его антирабочую позицию, он искренне восхищался Рузвельтом; более того, он боготворил его, и ничто не доставляло ему большего огорчения, чем то, что его принимали в Белом доме как парию, не приглашали на обеды с президентом, на званые вечера с Элеонорой или публичные события. Келли страшно хотел, чтобы Рузвельт и

²⁵ Richard J Daley – мэр Чикаго в 1955–1976 гг. (прим. переводчика).

его интеллектуальное окружение, его мозговой центр приняли его, считали бы его своим; ему было больно сознавать, что президент считал его второсортным персонажем. Я изучил Келли весьма глубоко и знал, что я не смогу привлечь его внимание к вопросам прав рабочих, однако я мог использовать его ахиллесову пяту для нашей пользы.

Я получил аудиенцию у Келли и начал свой трюк: «Послушайте, мэр, я знаю, что не могу завоевать для вас больше избирателей, чем вы уже имеете, — в те дни они даже не утруждали себя подсчетом голосов, считая бюллетени на вес, и все похороненные на кладбищах принимали участие в выборах мэра, — однако я хочу предложить вам сделку». Келли откровенно скучал, скорее всего спрашивая себя, зачем он согласился принять этого замухрышку-радикала. «Что ты можешь мне предложить, парень?» — спросил он. «Сейчас вы имеете репутацию врага рабочего движения номер один в стране. Но я могу за одну ночь сделать вас либералом. Я обеспечу вам национальную поддержку Конгресса промышленных профсоюзов и публичную поддержку всех других профсоюзов в Чикаго. Я могу организовать выступление на радио двух человек, которые были ранены во время побоища в День поминовения, в котором они будут приветствовать в вашем лице подлинного друга рабочих. В течение сорока восьми часов я превращу вас в чемпиона либерализма, — Келли все еще скучал, — и это сделает вас абсолютно приемлемым для Рузвельта, во всех смыслах, публично и персонально».

Тут он выпрямился в своем кресле и уставился на меня. «Как я могу быть уверен, что ты исполнишь свое обещание?» — спросил он. Я протянул ему листок бумаги. «Вот номер телефона Джона Л. Льюса в Александрии, штат Вирджиния, не указанный в справочнике. Позвоните ему, пока я в вашем офисе, перескажите то, что я сказал вам, и затем спросите, можно ли верить моему слову». Келли расслабился в кресле и спросил: «Чего ты хочешь?». «Я хочу, чтобы вы нажали на хозяев мясоупаковочных предприятий, чтобы они подписали контракт с профсоюзом». Он ответил: «Договорились. Ты получишь свой контракт завтра». Мы действительно получили его, и с тех пор победа на Задворках была обеспечена. Я вышел из этой борьбы с уверенностью, что организационные техники, которые мы использовали там, могут быть успешно применены по всей стране.

Playboy. Оправдалась ли эта Ваша уверенность?

Аллинский. Абсолютно. Наша тактика, конечно, менялась в зависимости от нужд и проблем в каждом отдельном месте, где мы работали, но стратегия всегда была примерно такой, и она приносила успех. Например, центальный принцип всех организационных усилий — это самоопределение: сообщество, с которым мы будем иметь дело, сначала должно захотеть, чтобы мы пришли к нему, а затем, когда мы уже внутри этого сообще-

ства, мы должны настоять, чтобы они определились со своими целями и лидерами. Работа организатора состоит в том, чтобы предоставить техническое ноу-хау, а не навязывать свои желания или установки сообществу; мы там не для того, чтобы руководить ими, но для того, чтобы помочь и научить. Мы хотим, чтобы люди использовали наш опыт и методики, а затем выбросили нас и продолжали делать работу сами. Вот почему я установил для наших организаторов трехлетний лимит времени. Иначе они станут зависеть от нас, и в тот момент, когда мы выйдем из игры, ситуация опять вернется к началу. Это стало нашей стандартной процедурой; мы хоть и внешние агитаторы, но действуем только по приглашению. И никогда не задерживаемся, если мы нежеланны.

* * *

Во второй части интервью Алинский рассказывает о других социальных экспериментах, ошибках и извлеченных уроках, о том, как его опыты по организации общественных движений соотносятся с реформами социальной системы в целом.

Литература

1. Жезко-Браун П. Современная американская революция: социальные технологии и динамика. – М.: Новый хронограф, 2018. – 320 с.
2. *Alinsky S.D.* Reveille for radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 236 p.
3. *Alinsky S.D.* Rules for radicals: a pragmatic primer for realistic radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 197 p.
4. *Alinsky S.* A candid conversation with the feisty radical organizer. Playboy interview with Saul Alinsky, March 1972. – New English Review. – 2018. – May. – URL: http://www.newenglishreview.org/DL_Adams/Playboy_Interview_with_Saul_Alinsky/ (accessed: 06.09.2018).

Статья поступила в редакцию 29.06.2018 г.

Статья прошла рецензирование 25.07.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83

“THAT’S MY JOB – TO MAKE PEOPLE START ASKING QUESTIONS AND UNSETTLE THE CURRENT STATE OF THINGS”

Interview with professional rebel Saul Alinsky

Part 1

Abstract

This is a translation of the interview with Saul Alinsky published in *Playboy* in 1972 and reprinted by the *New England Review* May 27, 2018. American professional social organizer, he unilaterally created the new field of social engineering and the new profession of radical-organizer. His two books became handbooks for several generations of organizers. Magazine *Playboy* sent Eric Norden to interview him. “I accompanied him from the East Coast to the West and into Canada, snatching tape sessions on planes, in cars and at airport...”

Keywords: Alinsky, USA, social organizing, community organizing, community organizer, social movements, self-organizing.

Bibliographic description for citation:

Alinsky S. “That’s my job – to make people start asking questions and unsettle the current state of things”: interview with professional rebel Saul Alinsky. Pt. 1. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 52–83. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83.

References

1. Zhezhko-Braun I. *Sovremennaya amerikanskaya revolyutsiya: sotsial’nye tekhnologii i dinamika* [The ongoing American Revolution: Social technologies and dynamics]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2018. 320 p.
2. Alinsky S.D. *Reveille for Radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 236 p.
3. Alinsky S.D. *Rules for Radicals: a pragmatic primer for realistic radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 197 p.
4. Alinsky S.D. A candid conversation with the feisty radical organizer. *Playboy* interview with Saul Alinsky, March 1972. *New English Review*, May 2018. Available at: http://www.newenglishreview.org/DL_Adams/Playboy_Interview_with_Saul_Alinsky/ (accessed 06.09.2018).

The article was received on 29.06.2018.

The article was reviewed on 25.07.2018.

«ВНУТРИ СРЕДНЕГО КЛАССА АМЕРИКИ ЗРЕЕТ ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Интервью с профессиональным мятежником
Солом Алинским¹

Часть 2

Аннотация

Американский социотехник Сол Алинский (1909–1972) получил известность в США и за их пределами как идеолог, практик, тренер и создатель профессии по организации людей для совместных действий. У него тысячи учеников и последователей, включая бывшего американского президента Барака Обаму и членов его администрации. Технология организации Алинского применяется сейчас политическими лидерами практически всех идеологических ориентаций. Книги Алинского стали настольными для людей этой новой профессии, однако они до сих пор не известны в России. Публикуемый материал – перевод интервью с Алинским, взятого журналом Playboy в 1972 г., после того как его книга «Правила для радикалов» стала бестселлером номер один. Корреспондент Эрик Норден спрашивает Алинского об истории социальных экспериментов, основных правилах и техниках организации людей, о профессиональных планах Алинского на ближайшее будущее. Интервью было опубликовано в мартовском номере журнала Playboy за 1972 г. и перепечатано в полном объеме в New England Review в мае 2018 г.

Ключевые слова: Алинский, США, организация людей, социальные движения, самоуправление, социальный организатор, сообщество.

Библиографическое описание для цитирования:

Алинский С. «Внутри среднего класса Америки зреет вторая революция». Интервью с профессиональным мятежником Солом Алинским. Ч. 2 // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 78–104. – doi: 110.17212/2075-0862-2018-4.1-78-104.

Playboy. Как самозванный организатор, такой как Вы, принимается группой людей, которую он хочет организовать?

¹ Перевод Ирины Жежко-Браун. Первую часть – «Моя работа – поставить под сомнение и сломать заведенный порядок». Интервью с профессиональным мятежником Солом Алинским – см.: Идеи и идеалы, 2018, № 3, т. 1. – С. 52–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.1-52-83>

Алинский. Самое первое и самое главное, что организатор может сделать, чтобы быть принятым этой группой, это расставить приманки для местных властей, чтобы они стали на него нападать. На Задворках² я намеренно провоцировал местные власти, чтобы они критиковали меня. Я делал скандальные заявления в прессе и атаковал кого только мог из местных политиков и деловых лидеров. Я буквально вынуждал их на ответные атаки. The Chicago Tribune, одна из самых правых газет в стране в то время, назвала меня подрывным элементом, а представитель администрации мясоупаковочного предприятия объявил меня опасным врагом закона и порядка. Поскольку именно администрация притесняла рядовых жителей Задворок, как только она объявила меня своим врагом, местные жители сказали себе: «Наверное, этот Алинский – нормальный парень, если эти ублюдки так бесятся; он, видимо, представляет из себя нечто такое, что сильно их беспокоит». В общем, я применил к истеблишменту технику психологического джиу-джитсу, и это создало мне реноме, дало мне свидетельство о рождении в данном сообществе.

Но дело не только в приемах: чтобы быть принятым этим сообществом, ты в первую очередь должен проявить уважение к достоинству тех людей, с которыми ты будешь работать. Если ты являешься самодовольным, самоуверенным и снисходительным, они сразу почувствуют это, и ты можешь брать билет на обратный рейс. Первая вещь, которую ты должен делать, это слушать. Не разговаривать, не есть, не спать, не дышать, а только слушать о проблемах и желаниях сообщества. Потому что какие бы изощренные тактики и мудрую стратегию ты ни придумал, ты обречен на провал еще прежде, чем ты начал, если ты не завоеешь доверие и уважение людей. И единственный способ добиться этого – самому доверять им и уважать их. Без уважения не возникнет взаимопонимания, взаимного доверия и совместного действия. Это первый урок, который хороший организатор должен выучить. Я усвоил его на Задворках. Если бы я не понял этого, мы никогда бы не выиграли и ни за что не превратили бы эту грязную дыру в учебную модель прогрессивной организованной комьюнити. Двадцать пять лет спустя Задворки продолжают быть здоровым и процветающим сообществом, и новое поколение, которое выросло за это время, даже не подозревает, что их район был когда-то одной из худших трущоб в стране. Сегодняшний мэр Чикаго Дали³ теперь живет там – это, пожалуй, самый сильный аргумент в нашу пользу.

² Район г. Чикаго The Back of the Yards area (на задах предприятия по разделке и упаковке мяса, Union Stock Yards), который мы далее будем называть Задворками, был местом первого и наиболее успешного эксперимента Алинского по организации людей в общину в 1932–1937 гг. Более подробно см. [1]. (прим. переводчика).

³ Richard J. Daley – мэр города Чикаго в 1955–1976 гг. (прим. переводчика).

Playboy. Проживание мэра Дали на Задворках некоторые радикалы рассматривают как Вашу неудачу, как признак того, что соорганизованные Вами сообщества постепенно становятся частью истеблишмента в обмен на их участие в экономической деятельности. Задворки теперь – один из яростных сторонников этнической обособленности в Чикаго. Рассматриваете ли Вы это как Ваше поражение?

Алинский. Нет, только как еще один вызов. Это правда, что совет Задворок, который 20 лет назад сражался со всеми формами дискриминации и нетерпимости, сегодня не хочет предоставлять место для субсидированных домов для черных, впрочем, как и другие комьюнити белого среднего класса в Чикаго. В течение прошедших лет они одерживали одну победу за другой в борьбе против нищеты и эксплуатации и постепенно продвинулись по социальной лестнице от обездоленных к тем, кто приобрел некоторое положение и хотел бы подняться еще выше, чтобы когда-нибудь оказаться в высшем классе. Это весьма типичный случай. Подобное можно наблюдать и в американском рабочем движении, которое прошло такой же путь в течение одного поколения. Процветание делает всех нас трусами, и Задворки не исключение. Они вступили в сумерки успеха, и их мечты о светлом будущем сменились кошмарами – страхом перемен, страхом потери своего благополучия, страхом перед черными⁴. Как многие из бывших революционеров, они обменяли свое право первородства на собственность и процветание. Вот почему я серьезно рассматривал план возвращения в эту комьюнити для организации нового движения, которое бы отменило результаты того, что мы организовали 25 лет назад.

Playboy. Вас не смущает такой процесс?

Алинский. Нет, это вечный процесс, однако он должен восприниматься с пониманием того, что жизнь – это череда революций, следующих одна за другой. Каждая из них приближает общество к конечной цели – к реальной личной и общественной свободе. Я ни минуты не сожалею о том, что сделал на Задворках. Более 200 тысяч людей получили приличную жизнь, надежду на лучшее будущее и самоуважение благодаря тому, что мы сделали в этой выгребной яме. Конечно, сейчас они нарастили жир, почувствовали себя комфортно и стали самодовольными. А значит, они опять нуждаются в пинке под зад, однако, если бы у меня опять был выбор между тем, чтобы видеть этих людей погрязшими в ничистотах, ни-

⁴ Алинскому и другим радикалам хотелось бы, чтобы люди на Задворках и в других «реформированных» сообществах продолжали бы вместе с ними перманентную революцию, и он не может понять, что у людей могут быть другие мечты, более достойные занятия в жизни. Алинский сражался за то, чтобы дать людям власть, а теперь недоволен, что они использовали ее для улучшения своей жизни. Этот пример демонстрирует изменение ценностей Алинского за 25 лет (прим. переводчика).

пцете и отчаянии или же живущими приличной жизнью, но скованными предрассудками истеблишмента, я бы сделал то же самое.

Причина того, отчего некоторые люди отступаются, когда видят, что экономическое преуспевание не делает каждого из нас Альбертом Швейцером, состоит в том, что многие либералы и радикалы имеют чересчур романтическое представление о бедных. Они считают их образцом справедливости и ожидают, что они будут вести себя как ангелы, как только сбросят кандалы. Это чепуха. Нищета безобразна, губительна и унижительна. И тот факт, что обездоленные живут в отчаянии, дискриминации и лишениях, не означает, что они наделены специальными качествами справедливости, мудрости, сопереживания и моральной чистоты. Они люди, со всеми недостатками, которые есть у людей, – жадностью, завистью, подозрительностью, нетерпимостью. И когда они попадают на вершину, они могут быть так же нетерпимы, как и те, кто притеснял их раньше. Но это не означает, что надо оставлять людей гнить.

Playboy. Представитель движения новых левых утверждает, что этот процесс приспособливания делает бессмысленными поэтапные реформы и что только полная замена социальной системы может обеспечить реальный социальный прогресс. Как бы Вы ответили им?

Алинский. Эта риторика объясняет, почему от движения новых левых ничего не осталось. Конечно, было бы замечательно, если бы вся система исчезла за одну ночь, однако этого не случится, и эти молодые люди из новых левых точно этого не сделают. Эбби Хоффман и Джерри Рабин⁵ не смогут организовать даже пикник, а не то что революцию. Я могу понять нетерпение и пессимизм этих ребят, но они должны помнить, что реальная революция – это долгий и трудный процесс. Радикалы в США не имеют достаточной силы, чтобы вступить в вооруженную конфронтацию даже с местной полицией, а тем более с армией, флотом и воздушными силами. Это идиотизм со стороны «Черных пантер» говорить, что вся сила исходит от оружия, когда всё оружие находится на другой стороне.

Америка – не Россия в 1917 г. и не Китай в 1946 г., и любое лобовое столкновение с властью будет только массовым самоубийством и, возможно, триумфом домашнего фашизма. Никто не достигнет немедленной нирваны, да и любой нирваны, коли на то пошло. Вы должны спросить себя, что мы можем сделать, не доводя до этого. Единственный ответ – создавать локальные центры силы, которые могут слиться в мощную общественную силу, которая в конечном счете осуществит свои цели. Это занимает время и требует серьезной работы, скучной и тяжелой, которая отра-

⁵ Эбби Хоффман (Abbie Hoffman) и Джерри Рабин (Jerry Rubin) – социальные активисты, лидеры антивоенного движения в 1960–1980-х (прим. переводчика).

щает многих сегодняшних красноречивых радикалов. Однако это единственная альтернатива сегодняшней системе.

Очень важно взглянуть на этот вопрос в исторической перспективе. Любое крупное революционное движение в истории прошло через тот же самый процесс коррупции, развиваясь от девственной чистоты через соблазнение к декадентству. Посмотрите на христианскую церковь, которая прошла путь от мучеников к огромной холдинговой компании, или на то, как русская революция дегенерировала в бюрократическое болото и подавление людей новым классом менеджеров, который заменил собой феодалов в качестве локальных элит. Посмотрите на американскую революцию: никто так не отстаивал право на революцию, как Сэм Адамс, лидер секретного общества Сынов свободы⁶, радикального крыла революции. Однако после ее победы не было большего реакционного диктатора, чем Адамс: он настоял, чтобы каждый лидер Восстания Шейса⁷ был приговорен к смерти в назидание массам. То есть сам он имел право на восстание, но никто не имел права на восстание против него. Возьмите даже Ганди: в течение десяти месяцев независимости Индии он согласился с принятием закона, делающего пассивное сопротивление преступлением, и отказался от своих ненасильственных принципов, поддержав военную оккупацию Кашмира. В дальнейшем мы увидели то же самое в Гоа и Пакистане. Опять и опять наиболее активный защитник революционной свободы становится первым, кто будет нарушать права и даже лишать жизни следующее поколение мятежников.

Однако признание этого факта не должно приводить нас в отчаяние. Вся жизнь есть постоянная война, вечная борьба против статус кво. Она оживляет общество, стимулирует выработку новых ценностей и дает людям надежду на возможный прогресс. Сражение само по себе есть победа. История есть эстафетная гонка революций; группа революционеров несет факел идеализма до тех пор, пока сама не станет истеблишментом, и тогда факел перехватывается новым поколением революционеров. Этот цикл продолжается и продолжается, а вместе с ним меняются и идеалы гуманизма и социальной справедливости, постепенно проникая в умы людей даже тогда, когда адвокаты этих идеалов спотыкаются и поддаются искушению материального обогащения и поддержания статус кво.

Когда комьюнити находит меня, просит моей помощи и говорит: «Мы считаем, что нас эксплуатируют, вводят в заблуждение и дискриминируют,

⁶ Sons of Freedom – секретное общество, созданное с целью защищать права колонистов и воевать против обложения налогами британским государством (прим. переводчика).

⁷ Восстание Шейса (Shays's Rebellion) – вооруженное восстание в центральном и западном Массачусетсе в 1786-1787 гг. против экономической несправедливости и нарушения гражданских прав, руководимое ветераном Войны за независимость США Дэниелом Шейсом (прим. переводчика).

мы должны соорганизоваться» — что мне остается делать? Сказать: «Извините, но если я помогу вам соорганизоваться, вы все станете такими же материалистами, как люди на Задворках, и так далее; нет уж, вы продолжайте страдать, это лучше для вашей души»? И вы знаете, именно это многие так называемые радикалы говорят в ответ. Это как если бы голодающий попросил у вас буханку хлеба, а вы бы сказали: «Разве вы не знаете, что не хлебом единым жив человек?». Какая удобная отговорка. Нет, будут неудачи, отступления, и не раз, но вы должны медленно продвигаться вперед. Я знаю, что когда я уходил из Задворок в 1940 г., я не создал утопию, однако люди там в первый раз в жизни распрямились и начали нормальную жизнь.

Playboy. Каков был Ваш следующий шаг после успеха на Задворках?

Алинский. После окончания работы на Задворках многие, кто раньше не верил в успех этого дела, хлопали меня одобрительно по плечу, однако никто из них не предложил мне конкретную возможность продолжения моей организационной деятельности. Затем епископ Шейл свел меня с Маршаллом Филдом Третьим, исключительным человеком, миллионером с развитым чувством общественной сознательности⁸. Между нами сразу возникло чувство взаимопонимания, и Филд с энтузиазмом поддержал то, что я старался совершить. И что поразительно, в отличие от других благотворителей с тугим кошельком, он вкладывал свои деньги в соответствии со своими убеждениями. Он выдал мне грант, который дал мне свободу действий и передвижения, достаточный, чтобы начать социальные эксперименты, аналогичные тому, что мы сделали на Задворках, в других местах. С этими деньгами я основал в Чикаго Фонд Industrial Areas Foundation (IAF), и он стал базой моих операций. В сумме гранты Филда и Шейла составляли годовой бюджет в десять тысяч долларов, включая мое жалование, аренду офиса, оплату персонала и дорожных расходов. Какое было время! Я начал ездить по всей стране, работая в различных запущенных регионах и подготавливая кадры организаторов-волонтеров, которые бы продолжали работу, начатую мною в этих местах. Это было довольно лихорадочное время; я помню, что на моей визитной карточке было написано: «Если у вас проблема, мы приедем».

Playboy. Были ли у Вас проблемы, связанные с Вашим видом деятельности?

Алинский. Мою популярность можно было сравнить с популярностью чумы. Я здорово экономил на гостиницах: как только я прибывал в новый город, полицейские тут же сажали меня в тюрьму. Тогда не было

⁸ На протяжении всей своей деятельности Алинский работал на средства того самого класса имущих, с которым он постоянно воевал. Невольно на ум приходит сравнение с русскими предпринимателями, дававшими деньги на революцию, — С. Морозовым, Н. Шмитом и др. (прим. переводчика).

всей этой чепухи относительно *habeas corpus*⁹ и прав арестованного; если они считали, что ты — нежелательная личность, то тебя помещали в камеру предварительного заключения, и никто не утруждался чтением твоих конституционных прав. Я даже получал удовольствие от пребывания в тюрьме. Если вы радикал, то арест вам на руку. Во-первых, это демонстрирует и драматизирует естественный конфликт между теми, кто обладает властью, и теми, у кого ее нет. Во-вторых, это потрясающе усиливает твою позицию у людей, которых ты хочешь организовать. Они говорят: «Черт, этот парень проявляет к нам такой интерес, что готов идти в тюрьму из-за нас. Мы не можем его подвести сейчас». В общем, они делают из тебя мученика ценою нескольких дней или недель сидения на тюремной еде и не-долгого бездействия.

На самом деле бездействие для меня как для революционера было ценно само по себе. Когда ты постоянно в действии, всегда спешишь, перемещаясь от одной схватки к другой и из одной комьюнити в другую, невозможно осмыслить и разглядеть, что ты делаешь. Ты находишься «внутри» своего опыта, и у тебя нет шанса осмыслить его в реальной перспективе и понять свою собственную тактику и стратегию. В Библии пророки уходили в пустыню, чтобы собраться с мыслями и чувствами. У меня же единственное свободное время — когда я передвигаюсь из одного города в другой, и я обычно так устаю к концу дня, что как только моя голова коснется подушки, тут же вырубаясь. Поэтому моей пустыней, как и для многих радикалов, стала тюрьма.

Это работало замечательно! В тюрьме нет телефонов и визитеров, за исключением одного часа в день. Наши тюремщики были в основном неинтересные люди, и с ними не хотелось разговаривать; окружение было тусклым и депрессивным, так что единственной отдушиной были твои собственные ум и воображение. Посмотрите на Мартина Лютера Кинга: у него только в тюрьме города Монтгомери нашлось время продумать более широкие последствия его автобусного бойкота. В другой раз, в тюрьме города Бирмингема, он развил и углубил свою философию в «Письме из тюрьмы города Бирмингема». Таким образом, тюрьма является бесценной площадкой для развития радикалов.

Playboy. Однако это также не дает Вам активно участвовать в Вашем движении.

Алинский. О, я имею в виду тюремное заключение не дольше, чем на два месяца. В случае длительного заключения проблема состоит в том, что если ты выключен из действия слишком надолго, есть опасность, что все

⁹ Habeas corpus (лат.) — закон о неприкосновенности личности и защиты от произвольного ареста; процедура, предполагающая, чтобы задержанного доставляли в суд для доказательства оснований для задержания и помещения в тюрьму (прим. переводчика).

про тебя забудут. Послушай, если бы они сохранили жизнь Иисусу вместо распятия Его на кресте, люди, наверное, и сегодня зажигали бы свечи Зевсу. Однако относительно короткий период в тюрьме – прекрасная возможность подумать о том, что ты делаешь и почему, и куда ты идешь, и как попасть туда быстрее и наилучшим образом. Именно в тюрьме ты синтезируешь свои идеи, формулируешь отстраненно и объективно долговременные цели, развиваешь свою философию.

Тюрьма играла важную роль в моей жизни. После Задворок напa следующая схватка была в городе Канзас-сити, где мы пытались организовать население трущобы под названием Боттомс¹⁰. В ту минуту, когда я вышел из поезда и начал двигаться в сторону центральной улицы, остановился полицейский автомобиль и меня забрали в тюрьму за нарушение общественного порядка. Они меня даже не оформляли официально – просто вежливо заперли в камере. Они всегда обращались со мной довольно прилично, помещая меня в отдельную камеру. Именно в ней я начал писать мою первую книгу «Побудка для радикалов» [2]. Иногда тюремщики приходили во время работы и говорили: «Алинский, ты свободен», а я в ответ: «Слушай, я в середине главы. Я тебе скажу, когда я захочу выйти». Я думаю, что это был у них первый и единственный случай, когда заключенный хотел остаться в тюрьме. После нескольких таких случаев информация о том, что один чокнутый любит быть в тюрьме, дошла до начальника городской полиции, и он пришел посмотреть на меня. Несмотря на расхождение политических взглядов, мы быстро поладили и вскоре стали друзьями. После этого он перестал меня арестовывать, что не очень хорошо. У меня была другая книга на уме, однако я всегда буду благодарен ему за предоставление места, где я мог переварить свой опыт. И я смог изменить его взгляды по некоторым вопросам; очень скоро он изменил свою позицию на 180 градусов и стал поддерживать рабочее движение. В конце концов мы успешно организовали движение в Канзас-сити; наши основные требования были удовлетворены, и его изменившееся отношение нам здорово в этом помогло.

Playboy. Где Вы работали после Канзас-сити?

Алинский. Я разделил свое время между шестью трущобами, однако затем страна вступила во Вторую мировую войну и угроза фашизма была настолько серьезной в тот момент, что она перевесила все остальные проблемы. Я считал, что победа над Гитлером важнее домашних проблем. Я работал по специальному заданию двух государственных департаментов: финансов и рабочей силы. Я должен был способствовать увеличению промышленного производства, содействуя кооперации с Федерацией производственных профсоюзов. В мои задачи входила и организация массовой подписки на военный займ по всей стране. Это была подневольная ра-

¹⁰ Bottoms (англ.) – отстойник (прим. переводчика).

бота для меня, однако я утешался мыслью, что она, назависимо от ее размера, имеет положительное влияние на исход войны.

Playboy. Думали ли Вы воевать с оружием в руках против Гитлера?

Алинский. Вступить в армию? Из меня вышел бы никудышный солдат. Я получил назначение в Управление стратегических служб США. Из того не-многого, что мне сказали, я понял, что это мне очень подходит: никакой дисциплины и регламента, которые я ненавижу. По-видимому, генералы посчитали, что мой опыт борьбы с фашизмом дома может пригодиться в движениях сопротивления, которые мы поддерживали в тылу врага. Я согласился. Я очень загорелся; я представил себя в плаще и берете, спускающимся на парашюте на территории оккупированной Франции и работающим с подпольщиками против нацистов. Но этому не суждено было случиться. Заместитель министра иностранных дел зарубил это назначение, так как посчитал, что я буду полезнее дома во взаимоотношениях с рабочим классом, способствуя повышению производительности, разрешению конфликтов между рабочими и менеджментом и т. п. Конечно, это было важно, но более прозаично, чем шпионские дела. Я должен признаться, что запрет на мою работу в стратегическом управлении — одно из самых больших сожалений в моей жизни.

Playboy. Что Вы делали после войны?

Алинский. Я вернулся к организации комьюнити, опять пересекая страну вдоль и поперек. Работал в Нью-Йорке, Детройте, Буффало и в мексиканских районах больших городов в Калифорнии и на Юго-Западе. «Побудка для радикалов» стала бестселлером, и это помогло вербовать новых людей для нашей работы. Однако с началом холодной войны в стране стало все подмерзать и все движения вымело маккартизмом, что сделало любую радикальную активность чрезвычайно трудной. В те дни всякий, кто бросал вызов истеблишменту, считался коммунистом, и радикальное движение стало распадаться под этим давлением.

Playboy. Каковы были Ваши отношения с коммунистической партией США?

Алинский. Я знал множество коммунистов в те дни и работал с ними вместе на некоторых проектах. В тридцатые годы коммунисты делали очень много полезных дел: они были в авангарде рабочего движения и играли важную роль в организации помощи черному населению, сельскохозяйственным рабочим Оклахомы и сборщикам урожая на Юге. Любой, кто говорит тебе, что он участвовал в прогрессивных движениях в те дни, но никогда не сотрудничал с красными, просто лжет. Их платформа содержала правильные позиции, и, в отличие от либералов, они были готовы сражаться на передовой линии. Не думаю, что, например, Федерация производственных профсоюзов смогла бы выиграть свои сражения без коммунистов. Я симпатизировал России в те дни не потому, что я восхищался Сталиным или

советской системой, а потому, что это была единственная страна, которая решила воевать с Гитлером¹¹. Я был одним из руководителей движения по сбору средств для интернациональных бригад, и в этом качестве работал в тесном альянсе с коммунистической партией США.

Однако когда был заключен пакт между нацистами и СССР, я отказался следовать партийной линии и призывал к поддержке Англии и вступлению в войну США. Партия из всех сил стала воевать со мной. Ее члены расклеили на Задворках плакаты с карикатурой на меня – со страшной рожей, слюнявым ртом и дикими глазами, с подписью: «Это лицо поджигателя войны». Однако эта тактика не сработала, так как в этом районе проживало много поляков, чехов, литовцев и латышей. В действительности, самой большой слабостью партии было слепое копирование линии Москвы. Она была бы намного эффективнее, если бы заняла относительно независимую позицию, как это делают сегодня западноевропейские партии. Однако в целом, несмотря на мои разногласия с ними, я думаю, что коммунистическая партия тридцатых заслужила хорошую репутацию за ту борьбу, что она вела. Сегодня эта партия – лишь тень прошлого, однако в период Великой депрессии она была позитивной силой в борьбе за социальные изменения. Многие ее лидеры и организаторы были ничтожествами, однако, объективно говоря, партия всегда сражалась за правое дело и сделала много хорошего.

Playboy. Хотели ли Вы стать членом компартии до подписания нацистско-советского пакта¹²?

Аллинский. Никогда и ни в какой момент. Я никогда не вступал ни в какую организацию, включая и те, что сам создавал. Я чересчур ценю мою собственную независимость. И в философии я никогда не мог принять какую-либо жесткую догму или идеологию, будь то христианство или марксизм. Одна из наиболее важных вещей в моей жизни есть то, что судья Леонард Хэнд описал как «постоянно ноющее чувство внутреннего сомнения по поводу своей правоты». Если у вас этого нет, если вы думаете, что вы находитесь на кратчайшем пути к окончательной истине, вы становитесь доктринером, занудой и страдаете интеллектуальным запором. Самые большие преступления были совершены религиозными, или политическими, или расистскими фанатиками: от преследований инквизиции до коммунистических чисток и нацистского геноцида. Великий физик Нильс Бор резюмировал это следующим образом: «Каждое предложение, которое я произношу, должно быть понято не как утверждение, а как вопрос». Никто не владеет истиной или догмой, какую бы форму она не принимала, окончательная истина в конце концов становится врагом человеческой свободы.

¹¹ Имеется в виду гражданская война в Испании (прим. переводчика).

¹² Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (прим. переводчика).

Это не означает, что я действую без руля и без ветрил. Я думаю, что у меня есть более точное чувство направления и цели, чем у верующего человека с его жесткой идеологией, потому что у меня есть свобода быть мобильным, незакомплексованным, независимым, способным иметь дело с любой ситуацией по мере того, как она складывается, без опасности быть ограниченным догматами веры. Моя единственная неизменная правда состоит в том, что я верю в людей. Если люди имеют возможность действовать свободно и контролировать свою судьбу, они обычно приходят к правильным решениям. Единственная альтернатива моей вере состоит в том, что такими возможностями обладает только элита, будь то коммунистическая бюрократия или наш собственный корпоративный истеблишмент. Вы никогда не должны забывать лозунг наших отцов-основателей «Для общего блага». Именно здесь я разошелся с коммунистами в тридцатых, и именно по этому пункту я остаюсь несогласным с ними сейчас.

Playboy. Задела ли маккартистская эпоха Вас лично?

Алинский. Напрямую нет, но общий дискомфорт сделал организацию для достижения радикальных целей намного труднее. Маккартизм нанес большой вред стране в длительной перспективе. До него каждое поколение имело своих радикалов, которые были готовы противостоять системе. Но Маккарти повергнул страну в страх. Испуганные либералы порвали с радикальными движениями и прикрылись масками оппортунистов, многие из них предали своих друзей и соратников, чтобы спасти свою задницу. Изрыгающие огонь радикалы тридцатых поджали хвосты и спрятались, оставив в наследие малодушие. Не осталось почти никого, за исключением нескольких закаленных бойцов, кто мог бы передать эстафету следующему поколению радикалов. Вот почему так много детей сегодня презрительно насмеваются над своими родителями, как над схваченными за руку фокусниками, и они правы.

Самое печальное состоит в том, что если бы либералы и радикалы держали единый фронт против Маккарти, они наверняка могли остановить его. Я помню, как в начале пятидесятых представители Комитета по расследованию антиамериканской деятельности пришли ко мне и сказали, что если я не представлю список людей, которых я знаю, они пришлют мне повестку и Маккарти разрушит мою репутацию. Я только рассмеялся им в лицо и, прежде чем выставить их за дверь, сказал: «Репутация? Какая репутация? Вы думаете, меня заботит моя репутация? Позовите меня в качестве свидетеля, я и не подумаю прибегать к пятой поправке к конституции¹³. Маккарти может заставить меня отвечать только “да” и “нет”, но как только я выйду в коридор к прессе, он не сможет меня остановить, когда я

¹³ Пятая поправка к конституции, часть Билля о правах человека, освобождает гражданина от обязанности свидетельствовать против самого себя (прим. переводчика).

начну рассказывать о том, как он обхаживал коммунистов, чтобы они поддержали его на сенатских выборах против ла Фоллета в 1946 г.¹⁴ Передай Маккарти, чтобы он убирался ко всем чертям». Они пришли такие самоуверенные, ожидая, что я буду ползать на коленях и умолять, а когда уходили, то тряслись и на них лица не было. Я продолжал организовывать в пятидесятых, не имея никаких проблем с Вашингтоном, хотя у меня было много стычек с местной полицией на территориях, где я работал.

Playboy. С какой организацией Вы в основном работали?

Алинский. Район Чикаго, называемый Вудлон (*Woodlawn*)¹⁵, был черным гетто; он был такой же запущенный, как и Задворки в тридцатых. В 1958 г. группа черных лидеров пришла ко мне, рассказала про отчаянную ситуацию в районе и попросила меня помочь. Вначале я сомневался: все мои помощники были заняты, и, кроме того, я никогда до этого не соорганизовал черную комьюнити и боялся, что моя белая кожа окажется непреодолимым препятствием. Те мои товарищи по движению, которые знали, что я рассматриваю эту идею, советовали забыть о ней. Никто не смог бы соорганизовать Вудлон. В общем, этот проект казался нереальным. Однако был только один способ проверить это мнение — попытаться это сделать. Я решил начать.

Сначала казалось, что моя белая кожа будет фундаментальным препятствием, однако затем, как всегда, добрый старый истеблишмент пришел мне на помощь. Чикагский университет, который владел лакомыми участками земли в этом районе, сделал попытку протолкнуть программу реконструкции района, чтобы сделать его привлекательным для вложений в недвижимость. В гетто сложилось мнение: «Программа реконструкции означает переселение черных», что сделало университет объектом ненависти и страха.

Когда я объявил о своем намерении соорганизовать Вудлон, жители видели во мне еще одного белого благодетеля человечества. Всё, что университету надо было бы сделать, чтобы вывести меня из игры, это объявить, что это именно они пригласили меня в этот район, и назвать меня своим выпускником. Вместо этого представитель университета разразился проклятиями в мой адрес и объявил меня опасным и безответственным внешним агитатором. Все чикагские газеты подхватили эту подсказку и объявили меня захватчиком, Аттилой-завоевателем. Неофициально университет обвинял меня в том, что меня финансировали католическая церковь и мафия! Безумные! Их заявление оказалось большой удачей, так как

¹⁴ Роберт М. ла Фоллет (1855–1925) – американский юрист и политик. Маккарти соревновался с ним на сенатских выборах от Республиканской партии после Второй мировой войны (прим. переводчика).

¹⁵ Woodlawn – один из семидесяти семи районов Чикаго, в котором проживало в тот момент около 27 тысяч преимущественно черного населения (прим. переводчика).

люди в Вудлоне стали говорить: «Боже, этот парень не только неплох, но он имеет что-то серьезное против университета, иначе они не стали бы так воевать с ним», и они стали внимать нашим речам.

Так или иначе, мы быстро заручились поддержкой католических и протестантских церквей в этом районе и в течение нескольких месяцев организовали большинство в этой комьюнити, которое активно участвовало в наших программах.

Между прочим, главным организатором в этом проекте был Николас фон Хоффман¹⁶. Он с тех пор стал писателем и сейчас работает в газете Washington Post. Вклад Ника был решающим в этом проекте. Мы пикетировали, протестовали, бойкотировали и оказывали экономическое и политическое давление на местных домовладельцев и хозяев магазинов, которые эксплуатировали местное население, на Чикагский университет и на политическую машину мэра Дали — и мы выиграли.

Мы остановили предложенную программу реконструкции района; мы развернули массовую кампанию по регистрации местного населения для участия в выборах; мы заставили город улучшить жилищные условия в районе и начать строить дома, где низкая арендная плата поддерживалась субсидиями штата; мы добились того, чтобы представители этого района заседали в советах местных школ и агентств по борьбе с бедностью; мы стимулировали создание масштабных программ по профессиональной подготовке населения для занятия рабочих мест в этом районе; мы добились улучшения санитарных условий, здоровья населения и работы полиции в этом районе. Организация комьюнити Вудлона стала не только первой, которая участвовала в планировании своей собственной программы реконструкции, она играла решающую роль в размещении контрактов на реконструкцию. Так, если строительные организации не предоставляли работу для черных, они не получали контракты. Было трогательно видеть, как строительные организации вдруг прониклись принципами братства и расового равенства.

Как только организация Вудлона продемонстрировала, что является политической и экономической силой, с ней стал считаться и мэр Дали, хотя он и пытался подорвать эту организацию путем передачи сотен тысяч долларов федеральной программы по борьбе с бедностью на более «надежные» проекты. Дали всегда удавалось распределять федеральные средства с помощью муниципалитета среди своих политических протекторов. Однако наше самое большое достижение в Вудлоне было нематериального свойства: построив массовую мощную организацию, мы дали людям

¹⁶ История соорганизации Вудлона в изложении Хоффмана проливает свет на эволюцию целей и методов деятельности Аллинского послевоенного периода [5]. В частности, Хоффман пишет, что создать самоуправляемую и самодостаточную организацию в этот раз не удалось; вместо этого в районе сложился отряд, боровшийся за гражданские права черных. Подробнее см. [1] (прим. переводчика).

чувство гордости и собственной значимости. После жизни нескольких поколений в безнадежности и отчаянии они неожиданно обнаружили единство и решимость, которые позволили им выиграть сражение против своих врагов, взять контроль над своей жизнью и своей судьбой. Мы не решились в одночасье все проблемы, но мы показали им, что их проблемы могут быть решены с помощью их собственных усилий и их лидеров. Когда мы пришли в Вудлон, это было загнивающее и безнадежное гетто; когда мы ушли, там была боевая и сплоченная комьюнити.

Playboy. Отличались ли тактики, которые Вы использовали в Вудлоне, от тех, что Вы применяли в белых районах?

Алинский. Раса не является таким уж большим различающим фактором. Главный тактический принцип – **делай что можешь с тем, что у тебя есть** (*выделено мной – прим. переводчика*). Точно так же, как и на Задворках, в нашем распоряжении не было денег, но было много людей, готовых и желающих участвовать, и их количество было нашим главным активом. В один момент мы старались получить работу для черных в больших чикагских универмагах. Несколько магазинов подчинились нашему требованию, однако один из самых больших универмагов в городе, да и в стране, отказался изменить их практику найма сотрудников и даже не пожелал с нами встречаться. Сначала мы думали применить массовое пикетирование, однако к этому моменту этот способ борьбы уже приелся и стал слишком знакомым, и поэтому вряд ли мог повлиять на этот магазин. Один из моих основных тактических принципов состоит в том, что *угроза* применения определенной тактики иногда более эффективна, чем ее фактическое применение (если тот, против кого ты ее хочешь применить, знает, что у тебя достаточно сил и воли привести угрозу в исполнение). Нельзя выиграть эту игру, *только* блефуя, однако, применяя правильную стратегию, ты можешь поколебать их веру в себя.

Мы разработали для этого магазина специальную тактику. Мы решили арендовать автобусы и каждую субботу, самый коммерчески эффективный день, привозить в этот магазин около трех тысяч черных из Вудлона, одетых в их лучшую воскресную одежду. Представь себе три тысячи черных в одном, пусть даже большом, магазине. Это сразу меняет цвет этого магазина; все белые, входя в магазин, подумают, что они попали в Африку. Таким образом, магазин сразу теряет белых покупателей. Но это еще не все! Шопинг является очень долговременным занятием для бедных людей; поскольку экономия является основным фактором, они все время сравнивают цены и качество. Это означает, что у каждого прилавка толпятся группы черных, детально оценивающих товар и задающих продавщицам бесконечные вопросы. (Нет нужды добавлять, что никто из наших людей и не собирался ничего покупать.) Одна группа людей сначала оккупирует прилавок с рубашками,

затем перемещается к прилавку нижнего белья, тогда как другая группа, прежде осаждавшая отдел нижнего белья, теперь перейдет к отделу рубашек. Каждый при этом будет вести себя вежливо и уважительно, и кто скажет, что они не являются добросовестными клиентами? Эта процедура должна была продолжаться весь день за исключением последнего часа до закрытия магазина. В последний час наши люди должны были начать делать покупки с оплатой после их доставки. Это бы перегрузило их отдел доставки, не говоря уже о том, что все товары после доставки будут отвергнуты.

Когда план оформился, мы нарочно слили его одному из доносчиков в нашем лагере. Каждой радикальной организации нужен такой доносчик, чтобы питать его тщательно отобранной информацией. Результат его доноса был почти мгновенным. На следующий день после того, как мы арендовали автобусы, универмаг позвонил нам и уступил нашим требованиям. Буквально за один день они создали двести позиций для черных как в отделах по продаже товаров, так и в администрации. Остальные универмаги быстро последовали их примеру. Мы одержали полную победу.

Заметь: если бы эта тактика была осуществлена, она была бы абсолютно легальной, и ее невозможно было бы оспорить. Тысячи людей «покупали» бы, и полиция не могла бы вмешаться и остановить их. Более того, вся история стала бы для ее участников большим развлечением, эмоциональным возбуждением и переменой обстановки, праздником на фоне тусклой и монотонной жизни в гетто. В общем, эта простая тактика включает в себе все элементы хорошей организации: воображение, легальность, развлечение и, превыше всего, эффективность.

Playboy. И принуждение.

Алинский. Нет, не принуждение, а только доступное развлечение в духе демократической традиции. Люди не могут получить новые возможности, или свободу, или чувство собственного достоинства в результате благотворительного акта; только сражаясь за это, они могут добиться этого от истеблишмента. Либеральное клише о примирении противоборствующих сил – сплошная чепуха. Примирение означает только одно: когда одна сторона обладает достаточной силой, другая сторона *вынуждена* согласиться на перемирие. Вот где нужна организация: сначала добиться уступок, а затем убедиться, что другая сторона выполняет свое обещание. Если вы слишком деликатны, чтобы применить необходимые меры давления на властную структуру, то вам лучше всего обратиться из этого вида деятельности. Эту фатальную ошибку допустили белые либералы, полагаясь на человеческий альтруизм как инструмент социального изменения. Это просто самообман. Ни по одному вопросу нельзя вступать в переговоры до тех пор, пока у тебя нет силы достаточной, чтобы добиться в них успеха.

Playboy. Ваш упор на создание конфликта и приобретение власти заставил бывшего заведующего отделением социологии в Чикагском университете Филипа М. Хаузера сказать в период вашей борьбы в Вудлоне, что любой черный, кто последует за вами, «может стать жертвой, может быть и случайной, мистификации... потому что методы, с помощью которых Алинский организовал Вудлон, возможно, были помехой в достижении соглашения с университетом и таким образом отодвинули достижение целей Вудлона». Что Вы на это скажете?

Алинский. Я думаю, что эволюция Вудлона опровергает это мнение более убедительно, чем я мог бы это сделать на словах. На самом деле я сильно сомневаюсь, чтобы Хаузер сказал бы то же самое сегодня; университет в настоящее время гордится организацией Вудлона и полностью принял ее цели. Однако, отвлекаясь от этой конкретной критики, отмечу: боязнь конфликта и повышенное внимание к согласию и компромиссу — это типичное академическое распускание слюней. Как можно прийти к согласию, прежде чем конфликт будет налицо? Конфликт, несомненно, есть неотъемлемая часть открытого общества. Если вы захотите выразить демократию в языке музыки, то главной темой будет гармония диссонанса; движение связано с трением, а трение вызывает повышение температуры. Согласие может быть достигнуто только в тоталитарном обществе, неважно, коммунистическом или фашистском.

Моя оппозиция к политике консенсуса тем не менее не означает, что я принципиально против компромисса — как раз наоборот. В этом мире никакая победа не является абсолютной, и правильные вещи неизменно делаются по неправильным причинам. Мы выиграли в Вудлоне не потому, что истеблишмент вдруг внезапно почувствовал моральное озарение и распростер объятия черным; мы выиграли потому, что мы загнали их в угол и держали там до тех пор, пока они не решили, что для них будет дешевле и безопаснее уступить нашим требованиям, чем продолжать борьбу. Помню, в разгар нашей борьбы в Вудлоне я посетил ланч, на котором было несколько президентов основных корпораций, которые захотели «взглянуть на своего врага». Один из них сказал мне: «Сол, ты лично кажешься мне неплохим парнем, но почему ты смотришь на всё сквозь призму власти и конфликта, а не с точки зрения доброй воли, разума и кооперации?» Я ответил ему: «Послушай, когда твоя корпорация будет рассматривать конкурентов в терминах доброй воли, разума и кооперации вместо того, чтобы ударить их в самое уязвимое место, тогда я последую твоему примеру». За столом воцарилось долгое молчание, и больше эта тема уже не возникала.

Playboy. Может ли Ваша тактика конфликта осложнить переговоры настолько, что противоречие больше уже не может быть разрешено компромиссом?

Алинский. Нет, мы калибруем нашу тактику очень внимательно в этом отношении. Наши самые эффективные тактики не включают насилие. Очень часто простой угрозы применения этих тактик достаточно, чтобы поставить нашего врага на колени. Позволь мне привести тебе другой пример. В 1964 г., в год выборов мэра, команда мэра Дали начала открещиваться от некоторых соглашений с организаций Вудлона, полагая, что это движение начало выдыхаться и мы больше не представляем реальной политической угрозы. Надо было доказать Дали, что он не прав, и сделать это быстро... Мы решили отказаться от традиционной политической борьбы и ударить по больному месту Дали. Наиболее эффективным способом было не пикетирование, не публичное осуждение – мы решили представить его в смешном виде для всей Америки.

Международный аэропорт О’Хара в Чикаго был любимым детищем и гордостью мэра Дали, его личной игрушкой, символом статуса и значения его города. Если в аэропорту случался какой-то сбой, любая мелочь, Дали узнавал об этом первым и обрывал все телефонные линии до тех пор, пока ситуация не исправлялась. Мы знали, что это лучший способ «достать» его. Но как? Даже массовые пикеты потеряются в тысячах пассажиров, снующих вокруг терминалов. После обсуждения мы изобрели новую тактику.

Представь себя на минуту пассажиром типичного рейса. Стюардесса подала тебе напитки и ланч или обед. После этого ты, естественно, хочешь сходить в туалет. Это не всегда удобно, так как тебе надо беспокоить соседей... в общем, ты решаешь подождать до пересадки. Именно здесь мы включаемся в игру. Наши люди посетили аэропорт и изучили, сколько мест в его туалетах и как много мужчин и женщин нужно для первого в стране «визита в туалеты». Оказалось, что нам понадобилось бы около двух с половиной тысяч людей – это не представляло проблемы для Вудлона. Каждый должен был иметь только 10 центов и ждать, когда та или иная кабина освободится. Мы позаботились обеспечить наших людей коробками с ланчем и чтивом, чтобы они там не скучали.

Что бы пассажиры сделали в отчаянии? Разнесли бы дверь и потребовали доказать, что кабинки используются по назначению? Женские туалеты с дверями могли быть заняты стопроцентно; в мужских туалетах мы могли занять все оплачиваемые кабинки и организовать группы, которые бы переходили от одного писсуара к другому, занимая каждый на пять минут, чтобы быть сменным своим же человеком; после этого он может перейти в другой туалет. И опять же, что бедный олух в конце очереди может возразить? Спросить: «Эй, парень, почему ты так долго писаешь?»

А теперь представь на секунду катастрофические последствия этой тактики. Люди с переполненными кишечниками и мочевыми пузырями будут обходить все коридоры в гневе и отчаянии, надеясь найти место, где они

могут облегчиться. Аэропорт О'Хара превратится в кошмар! Ты можешь представить, каким национальным и международным посмешищем он станет? Эта история попадет на первую страницу London Times. И кто будет больше оскорблен, чем мэр Дали?

Playboy. Ваш «визит в туалеты» не состоялся. Почему?

Алинский. Как только мы слили – извините за оговорку по Фрейду – этот план нашему информатору в администрации города, их реакция была мгновенной. На следующий же день два представителя организации Вудлона были приглашены на встречу с помощниками Дали, где их заверили, что администрация намерена выполнить все свои обещания, данные их организации, что они не понимают, как кто-то мог подумать, что мэр Дали может нарушить свое слово, и т. п. Представители двух сторон тепло пожали друг другу руки, администрация выполнила все свои обещания, и на этом «визит в туалеты» закончился. Многие члены организации Вудлона и не подозревают, как близки они были к тому, чтобы войти в историю.

Playboy. Да, никто не обвинит Вас в том, что Вы используете общепринятые практики.

Алинский. Если говорить серьезно, то секрет успеха тактик состоит в их оригинальности. Во-первых, это не дает людям соскучиться; любая тактика, которая длится слишком долго, становится скучной рутинной. Неважно, насколько оскорбительна несправедливость и насколько воинственны ваши сторонники; люди теряют энтузиазм из-за повторяющихся и обычных способов протеста. Ваши противники тоже будут знать, чего от вас ожидать и как вас нейтрализовать, если вы постоянно не изобретаете новые стратегии. Я понял, что дни сидячей забастовки окончены, когда один из руководителей крупной корпорации, выполняющей военные заказы, показал мне чертежи его новой штаб-квартиры. «А вот здесь – сказал он, указывая на довольно просторную комнату, – будут проходить наши сидячие забастовки. У нас тут будет много удобных кресел, две кофемашины и в избытке журналы и газеты. Мы просто проводим их в эту комнату и дадим им оставаться в ней, сколько они пожелают». Нет, если вы хотите добиться чего-либо, вы должны постоянно изобретать новые и все более эффективные тактики. Когда мы не могли добиться адекватной организации уборки мусора в одном из черных районов, потому что город заявлял, что у них нет на это денег, мы помогли их найти тем, что собрали весь наш мусор и вывалили его на лужайку перед домом члена городского управления, избранного от этого района. Регулярный вывоз мусора восстановился через 48 часов.

В другой раз, когда Дали откладывал принятие решений по поводу нарушений строительных правил или санитарных норм, мы пригрозили, что выпустим тысячу живых крыс на ступеньках городской администрации.

Предложение поделиться с ним своими крысами было своего рода приглашением приобщиться к нашему образу жизни. Дали понял нас, и мы получили что хотели. Такие тактики не прибавляли нам популярности, но они работают, и жилищные условия в Вудлоне значительно улучшились. Вудлон — единственный район в Чикаго, где никогда не возникали беспорядки на расовой почве, не было даже бунта, как в других местах, когда убили Мартина Лютера Кинга. Причина не в том, что жизнь там идеальна, просто люди почувствовали свою силу и увидели результаты своих акций, они ощутили себя хозяевами своего положения и собирались продолжать свои действия независимо от того, как медленно и тяжело дается прогресс. Люди сожгли свои тюрьмы, а не свои дома¹⁷.

Playboy. Какова была Ваша следующая организационная цель после Вудлона?

Алинский. Я участвовал одновременно в нескольких проектах в 60-х, организуя группы для совместных акций¹⁸ в черных гетто в городах Канзас-сити и Буффало, а также финансово поддерживал организацию по оказанию помощи (Community Service Organization) мексиканским комьюнити в Калифорнии, возглавляемую Фредом Россом. В нашем фонде проходили обучение Сесар Чавес (César Chávez) и Долорес Уэрта (Dolores Huerta)¹⁹. Однако мое собственное следующее сражение произошло в городе Рочестере штата Нью-Йорк. Рочестер является классическим городом²⁰, всецело зависимым от одной компании — «Кодак». Этакая южная плантация, перенесенная на Север. На фоне самодовольного патернализма компании «Кодак» филантропический феодализм выглядит почти как демократия прямого участия. Я называю это самодовольным городом

¹⁷ Алинский считает свой социальный эксперимент в Вудлоне успешным, однако его версия не совпадает со свидетельствами других исследователей и данными статистики. В 1948 г. этот район был в основном белым. Затем началось подселение черных в субсидированные дома, и через 20 лет расовый состав поменялся. Район управлялся несколькими бандами. Согласно опубликованной в Интернете истории чикагских банд, к 1968 г. все белые бизнесы покинули этот район. В нем было совершено несколько поджогов между 1968 и 1971 годами. Многие дома были покинуты их жильцами и пришли в упадок. Сегодня район является одним из наиболее запущенных и опасных в городе. Средний доход на семью и цены на недвижимость в 2016 г. были вдвое меньше средних по Америке [4] (прим. переводчика).

¹⁸ Если в 1930-х Алинский создавал самостоятельные и самоуправляемые организации (community building), то в 1960-х он перешел к соорганизации групп для конкретных совместных акций (community-action groups). Подробнее о том, как и почему Алинский сменил цели своих действий и как при этом изменились его тактики, см. [1] (прим. переводчика).

¹⁹ Сесар Чавес (César Chávez) и Долорес Уэрта (Dolores Huerta) работали в основном с мигрантами из Мексики. Они сформировали сеть организаций среди мексиканского населения в конце 1950-х, в частности, Community Service Organization (CSO). CSO создала несколько профсоюзов, приготовила тысячи мексиканцев к сдаче экзаменов на гражданство, зарегистрировала их в качестве новых избирателей и способствовала избранию первого с 1879 г. конгрессмена-мексиканца. Оба ученика занимались юнионистской и забастовочной деятельностью, а не community-building (прим. переводчика).

²⁰ В России его назвали бы моногородом (прим. переводчика).

(*Smugtown*). Однако в середине 1964 г. это самодовольство было нарушено кровавым конфликтом на расовой почве, с поджогами, смертными случаями и убытками. Черное меньшинство, эксплуатируемое «Кодаком», в конце концов устроило беспорядки, которые почти уничтожили город. Бунт был подавлен национальной гвардией.

Как следствие этих событий, городской совет церквей – собрание либеральных священников, преимущественно белых – пригласил нас организовать черную комьюнити и согласился оплачивать наши расходы. Мы ответили, что мы не будем работать до тех пор, пока черная комьюнити не пригласит нас сама. Сначала черные не проявили к нам никакого интереса, но старый добрый истеблишмент в очередной раз пришел на помощь, проявляя к нам негативное отношение и тем самым перерезая себе горло. Как только о приглашении стало известно, городские власти записались в пароксизмах гнева. Две местные газеты обозвали меня подрывным элементом; городская радиостанция посвятила мне одностороннюю передачу, в которой объявила, что те священники, которые пригласят меня, лишатся бесплатных воскресных объявлений на ней. Фонд, который обещал поддерживать наше приглашение, тут же объявил, что отказывается от финансовой поддержки этого проекта; Совет церквей тут же отозвал свое предложение, а несколько его членов подали в отставку. Истеблишмент действовал так, будто у их дверей поставил шатер Чингисхан. Слушая публичные высказывания, вы могли бы подумать, что я в свободное время скармливаю отраву собакам-поводырям слепых людей.

Разумеется, это было самое лучшее, что городские власти могли сделать для меня. Мгновенно черное население проснулось от апатии и начало выражать нам поддержку: «Мы хотим видеть того, кто сводит с ума этих вырождаков». Лидеры движения за гражданские права черных, местные организации и священники плюс тринадцать тысяч жителей подписали петицию, в которой просили меня приехать. Получив такую поддержку, я понял, что «процесс пошел». Я назначил Эда Чемберса главным организатором в Рочестере и приготовился нанести визит в город, как только он приступит к работе.

Playboy. Был ли Ваш прием в городе таким же враждебным, как предыдущая пресса?

Алинский. О да, они меня не разочаровали. Я думаю, что они поместили бы меня в карантин в аэропорту, если бы смогли.

Playboy. Как Вы организовали черную общину в Рочестере?

Алинский. С помощью энергичного местного черного лидера, священника Франклина Флоренса, который был близок к Малкольму Иксу²¹,

²¹ Малкольм Икс (англ. Malcolm X), или эль-Хадж Малик эш-Шабазз – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих (прим. переводчика).

мы сформировали местную организацию, которую назвали FIGHT²² («Борьба»). Мы также соорганизовали группу «Друзья FIGHT» из четырехсот белых либералов, которые создали финансовый фонд для этой акции, обеспечивали моральную поддержку, оказывали юридическую помощь и работали как инструкторы различных программ обучения в комьюнити. Мы выдвинули широкий список требований, из которых самым главным было, чтобы «Кодак» имел дело с представителями FIGHT, а не действовал через их собственного черного чиновника-лакея с кандидатским дипломом²³. КОДАК, как и ожидалось, отказался обсуждать эти оскорбительные требования с нами, считая, что FIGHT – нелегитимная организация, и она не может официально представлять комьюнити, и что компания никогда не примет ее в этом качестве.

Это означало войну, и мы приготовились воевать. Мы знали, что это займет некоторое время. Решив, что пикетирование или бойкот не сработают, мы начали обдумывать радикальные тактики, что-то вроде той туалетной акции, что была придумана для аэропорта О’Хара. В какой-то момент мы узнали, что акциями «Кодака» владеет королева Елизавета, и рассматривали возможность нанять самолет, посадить в него сотню наших людей и выстроить пикетную линию вокруг Букингемского дворца в расчете на то, что во время смены караула делается много фотографий. Это могло быть хорошей, привлекающей внимание и достаточно радикальной акцией, которая могла бы заставить людей смеяться и вместе с тем имела серьезный подтекст, заставляющий людей задуматься.

У меня была еще другая идея, которую я почти привел в исполнение: она касалась Рочестерской городской филармонии, которая не только являлась основным местом развлечения истеблишмента, и в частности руководства «Кодака», но и своего рода культурным украшением города. Я предложил купить 100 билетов на концерт камерной музыки. Сто черных «меломанов» должны были съесть большие порции бобов перед самым концертом. Можете себе представить неизбежные последствия этого

²² Аббревиатура англ. слов Freedom, Integration, God, Honor, Today – Свобода, Единство, Бог, Честь, Современность (прим. переводчика).

²³ Организаторы выдвинули требование создать программу по подготовке 600 членов их района продолжительностью 18 месяцев с обязательным трудоустройством после обучения без предъявления к ним обычных при найме сотрудников требований. При этом большинство из предлагаемых людей не имело достаточного образования и какого-либо опыта работы. Более того, организаторы потребовали, что только они сами будут рекомендовать людей для обучения, т. е. фирма не имела права включать или исключать из программы людей без согласия FIGHT. Это требование быстро стало центральным пунктом переговоров и насторожило руководство «Кодак» как проявление юнионистской идеологии. Фирма была готова помочь общине и, кстати, помогала и до этой истории, однако на своих условиях и не в таких, как она считала, непосильных размерах. Переговоры, с поощрения Алинского, очень быстро переросли в острый конфликт, к которому были подключены не только население и администрация города, но и центральная пресса и Конгресс [1] (прим. переводчика).

внутри симфонического зала? Концерт закончится после первого желудочного извержения, и Рочестер обретет славу первого в мире города, куда в филармонию пришли испускать газы.

Playboy. Вы не считаете такую тактику несколько ребяческой и легкомысленной?

Алинский. Я бы назвал ее скорее абсурдистской, чем ребяческой. Но не кажется ли вам, что наша жизнь часто есть театр абсурда? Что же касается легкомысленности, я считаю, что если тактика работает, то она не легкомысленна. Если взглянуть поближе на эту конкретно тактику, то видно, что она работает, не говоря уже, что она сама по себе развлечение. Во-первых, угроза «газовой атаки» во время концерта находится совершенно за пределами опыта отцов города. Они знают, как реагировать на демонстрации и пикеты, но они не могут представить, что можно сделать с людьми, страдающими испусканием газов во время священнодействия – исполнения симфонического концерта. Во-вторых, эта акция будет насмешкой над законами: тебя могут арестовать за бросание бомб, но нет закона, позволяющего арестовать за естественные телесные функции. Можешь ли ты представить, что кого-то судят за заранее обдуманное извержение газов? Полицейские будут парализованы. И, в-третьих, когда новость распространится, все умрут от смеха, и филармония Рочестера и городская элита станут посмешищем. Четвертое достоинство этой тактики состоит в том, что она психологически и физически доставит удовольствие ее участникам. Какой угнетенный человек не мечтает о том, чтобы нагадить своему угнетателю? Эта акция – самое близкое к тому, что они могут сделать. Такие тактики не просто пикантны; они еще полезны тем, что ваш оппонент будет лезть на стенку. Очень часто самые нелепые тактики могут оказаться самыми эффективными.

Playboy. В любом случае Вы так и не применили тактику испускания газов. Что же тогда сломало сопротивление «Кодака»?

Алинский. Их собственный интерес. Они поняли, что продолжение борьбы с нами будет дороже, чем достижение компромисса. И всё же это была одна из самых длительных и трудных битв, в которых я когда-либо участвовал. После многих месяцев разочарования и срыва планов мы решили попытаться опорочить репутацию «Кодака» за пределами их «крепости» в Рочестере и перенести сражение на собрание владельцев акций в городе Флемингтон (Нью-Джерси). Хотя мы и не знали этого в тот момент (всё, что мы хотели сделать, это нарушить порядок их заседания), это оказалось семечком, из которого в будущем выросла важная тактика. Я обратился к Генеральной ассамблее Унитарной универалистской ассоциации и попросил их назначить меня их полномочным представителем на предстоящем собрании акционеров «Кодака». Ассамблея церквей про-

голосовала за то, чтобы своим пакетом акций стоимостью более 700 тысяч долларов поддержать FIGHT.

Пресса быстро разнесла эту новость по всей стране. Отдельные акционеры стали выбирать нас в качестве своих представителей на заседании; кроме того, другие церкви сообщили о своем намерении последовать примеру унитарных церквей. Совершенно случайно мы наткнулись на золотую жилу. Политики, увидев, что церкви разных конфессий выбрали нас в качестве своих представителей, могли бы также переметнуться на нашу сторону, так как церковные группы имели большое влияние на свои приходы. Неожиданно сенаторы и конгрессмены, которые до этого не отвечали на наши звонки, сами начали нам звонить и с вниманием отнеслись к моей просьбе организовать слушание в сенате о практике приема персонала в «Кодаке».

По мере роста нашего представительства на собрании акционеров давление на «Кодак» становилось всё сильнее и сильнее, как и на другие компании в этом городе. Руководители компаний стали назначать мне встречи, пытаясь выяснить мои намерения. Никогда в жизни я не видел истеблишмент таким встревоженным, и это убедило меня, что мы нащупали ключ от заветной дверцы, которая отгораживает частный сектор от его ответственности перед обществом. Это, очевидно, убедило «Кодак», так как они очень скоро сдались и признали FIGHT в качестве официального представителя черной комьюнити Рочестера. С этого момента «Кодак» начал принимать на работу больше черных и организовал подготовительные курсы для них, побуждая городскую администрацию сделать существенные уступки в образовании, жилищных условиях, городских услугах и модернизации города. Всё это стало возможным благодаря тактике использования представительства владельцев акций «Кодака» на очередном собрании акционеров. Она напугала не только «Кодак», но и в целом большой бизнес. Нам теперь предстоит снять с них напряжение путем исполнения их худших опасений.

Playboy. Что Вы имеете в виду? Вы же не ожидаете набрать столько голосов, чтобы получить контроль над крупной корпорацией?

Алинский. Несмотря на всю эту чепуху о «народном капитализме», контрольный пакет акций во всех крупных компаниях всегда находится в руках нескольких человек, и мы никогда его не получим. Мы даже не озабочены избранием своих людей в совет директоров (хотя в отдельных случаях это было бы реально), поскольку их голос всегда был бы в меньшинстве. Мы хотим использовать тактику представительства как способ социального и политического давления на большие корпорации и как средство демонстрации их лицемерия и обмана.

Тактика представительства также является действенным приемом обеспечения участия среднего класса в радикальных движениях. Например,

вместо того чтобы гоняться в студенческих кампусах за рекрутерами большого бизнеса в надежде получить там работу, студенческие активисты могли бы соорганизоваться и потребовать, чтобы университетская администрация передала право на голосование своими акциями этих компаний студентам. Администрация, конечно, откажется, но это будет серьезный организационный вопрос, и один или два университета можно было бы заставить это сделать. Передав право голосования радикалам, либералы-владельцы акций могли бы продолжать посещать вечеринки с чувством выполненного долга перед обществом.

Тактика представительства могла бы также послужить трамплином для решения других вопросов в организации среднего класса. Эта тактика, будучи применена в больших масштабах, могла бы привести к демократизации корпоративной Америки и к изменению поведения крупного бизнеса за пределами страны, и даже к изменению нашей внешней политики. Эта тактика обладает бесконечным потенциалом. Пэт Мойнихен²⁴, когда он еще был советником Никсона, сказал мне в Вашингтоне: «Тактика представительства будет означать революцию – тебе это не сойдет с рук». Она действительно будет означать революцию, мирную революцию, и у нас это определенно получится в предстоящие годы.

Playboy. Звучит очень оптимистично. Однако большинство радикалов и некоторые либералы выражают опасение, что мы движемся в новую эпоху, эпоху репрессий и нарушения личной свободы. Преувеличены ли эти страхи, или опасность превращения Америки в полицейское государство вполне реальна?

Алинский. Разумеется, эта опасность есть, и фетишизация закона и порядка в нашей стране определенно на это указывает. Однако правильная позиция заключается в том, чтобы не поддаваться отчаянию и не сидеть сложа руки. Надо не причитать и жаловаться, а сражаться с этими фашистскими тенденциями и сколачивать большинство избирателей, которые будут поддерживать прогрессивные движения. Иначе ваши стоны о полицейском государстве станут самосбывающимся пророчеством. Это одна из причин, по которой я трачу сегодня основные усилия на организацию среднего класса – это арена, где будет решаться будущее страны. И я уверен, что как только средний класс осознает, что его реальный враг – крупные корпорации, которые контролируют страну и управляют марионетками вроде Никсона и Коннэли²⁵, ситуация изменится. Идентифицирование врага является одним из самых мощных инструментов мобилизации людей на социальное изменение, и как только средний класс будет мобилизован, для него будет есте-

²⁴ Патрик Мойнихен (Daniel Patrick Moynihan, 1927–2003) – американский политик, социолог и дипломат (прим. переводчика).

²⁵ Джон Коннэли (John Connally, 1917–1993) – секретарь финансов в правительстве Никсона (прим. переводчика).

ственным искать союзников среди тех, кто, как и он, лишен влияния, — черных, мексиканцев, бедных белых²⁶. Вот почему я планирую посвятить организации среднего класса мои оставшиеся годы.

Это будет нелегко, но мы можем выиграть. Мы живем в один из самых захватывающих периодов человеческой истории, когда кристаллизуются новые надежды и мечты, а старые убеждения и ценности тают. Это время больших опасностей, но также и огромных потенциальных возможностей. Мои собственные надежды и мечты в 1972 г. горят так же ярко, как и в 1942 г. Пару лет назад я сел писать новое вступление к книге «Побудка для радикалов», изданной в 1946 г., и начал его со следующей фразы: «Глядя назад на свою юность...». Однако эти слова застряли у меня в горле, так как я не чувствую себя сегодня старше, чем тогда, ни на день. Может быть, потому что я всю мою жизнь всегда находился на передней линии конфликта, мне некогда стареть. В любом случае смерть всегда приходит внезапно и неожиданно, поэтому не надо беспокоиться об этом. Мне только что перевалило за 60, и однажды я от чего-нибудь умру, однако пока я здесь, я продолжу работать, воевать и получать от этого удовольствие.

Playboy. Вы много думаете о смерти?

Алинский. Нет, больше не думаю. Был период, когда я думал, но однажды ко мне пришло понимание (не как интеллектуальная абстракция, а как глубокое, внутреннее открытие), что однажды я умру. Может быть, это звучит глупо, поскольку слишком очевидно, однако на свете не так уж много людей моложе сорока, кто понимает, что независимо от их действий свет для них когда-нибудь погаснет. Как только ты примешь глубоко в душе идею своей бренности, твоя жизнь приобретает совершенно новое значение. Если ты что-то понял о жизни, тебя не будет больше волновать, сколько у тебя денег, что о тебе думают люди, достиг ли ты успеха или какой у тебя вес в обществе. Ты будешь только стараться жить каждый день полной мерой, впитывая новый опыт и новые чувства так же жадно, как это делают дети, и с таким же ощущением чуда.

Playboy. Приняв смерть как неизбежный факт, верите ли Вы в какую-нибудь жизнь после смерти?

Алинский. Иногда я думаю, что вместо того чтобы спрашивать: «Есть ли жизнь после смерти?», люди должны спрашивать: «Есть ли жизнь после рождения?». Я не знаю, будет ли жизнь после смерти или нет — не видел

²⁶ С высоты прошедших с публикации интервью сорока с лишним лет видно, что Алинский ошибся в том, куда будут направлены стрелы самого большого социального движения среднего класса — «Движения Чаепития» (Tea Party movement). Его лозунги были направлены не против корпораций, а против политики невидимой партии социальных организаторов и их повестки дня для страны, проводимой Бараком Обамой. Социальные организаторы так и не нашли общего языка со средним классом и выстроили свой альянс в обход него, с недавними иммигрантами и так называемыми прогрессивными движениями (прим. переводчика).

никаких доказательств «за» или «против». Однако я знаю, что одержимость этим вопросом происходит от упорного отказа принять факт собственной смертности. Скажу так: если жизнь после смерти существует, и у меня будет выбор, я без сомнения выберу ад.

Playboy. Почему?

Алинский. Ад будет для меня раем. Всю свою жизнь я был рядом с обездоленными. Здесь, на земле, это означает жизнь в нужде. Если обездоленный находится в аду, это может означать отсутствие добродетелей. Если мне выпадет попасть в ад, я буду организовывать обездоленных там.

Playboy. Почему их?

Алинский. Мы с ними одного племени.

Интервью было опубликовано в мартовском номере журнала Playboy за 1972 г. Сол (Саул Давид) Алинский умер 12 июня 1972 г. в городе Кармель в Калифорнии.

Литература

1. Жезко-Браун И. Современная американская революция: социальные технологии и динамика. – М.: Новый хронограф, 2018. – 320 с.
2. *Alinsky S.D.* Reveille for radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 236 p.
3. *Alinsky S.D.* Rules for radicals: a pragmatic primer for realistic radicals. – New York: Vintage Books, 1989. – 197 p.
4. Woodlawn [Electronic resource] // Chicago Gang History. – URL: <https://chicagoganghistory.com/neighborhood/woodlawn/> (accessed: 16.10.2018).
5. *Hoffman N., von.* Radical: a portrait of Saul Alinsky. – New York: Nation Books, 2010. – 410 p.

О практике применения технологий Сола Алинского в избирательных кампаниях Барака Обамы и Хиллари Клинтон рекомендуем читателям статью:

Жезко-Браун И.В. Хиллари Родем Клинтон и Сол Алинский: «Существует только борьба...» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2, т. 1. – С. 103–131. – doi: 10.17212/2075-0862-2017-2.1-103-131.

Статья поступила в редакцию 29.06.2018 г.

Статья прошла рецензирование 25.07.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-78-104

A CANDID CONVERSATION WITH THE FEISTY RADICAL ORGANIZER

Playboy Interview with Saul Alinsky

Part II

Abstract

This is a translation of the interview with Saul Alinsky published in Playboy in 1972 and reprinted by the New England Review May 27, 2018. American professional social organizer, he unilaterally created the new field of social engineering and the new profession of radical-organizer. His two books became handbooks for several generations of organizers. Magazine Playboy sent Eric Norden to interview him. "I accompanied him from the East Coast to the West and into Canada, snatching tape sessions on planes, in cars and at airport..."

Keywords: Alinsky, USA, social organizing, community organizing, community organizer, social movements, self-organizing.

Bibliographic description for citation:

Alinsky S. A candid conversation with the feisty radical organizer. Playboy interview with Saul Alinsky. Pt. 2. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 78–104. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.1-78-104.

References

1. Zhezhko-Braun I. *Sovremennaya amerikanskaya revolyutsiya: sotsial'nye tekhnologii i dinamika* [The ongoing American Revolution: social technologies and dynamics]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2018. 320 p.
2. Alinsky S.D. *Reveille for Radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 236 p.
3. Alinsky S.D. *Rules for Radicals: a pragmatic primer for realistic radicals*. New York, Vintage Books, 1989. 197 p.
4. Woodlawn. *Chicago Gang History*. Available at: <https://chicagoganghistory.com/neighborhood/woodlawn/> (accessed 16.10.2018).
5. Hoffman N., von. *Radical: a portrait of Saul Alinsky*. New York, Nation Books, 2010. 410 p.

The article was received on 29.06.2018.

The article was reviewed on 25.07.2018.